

Нур ана
(повесть)

Нур Ана была женщиной, никогда не думавшей только о себе. Напротив, она больше думала о других, чем о себе... Словом, Нур Ана была простой терпеливой крестьянкой, плоть от плоти земли, на которой родилась и выросла, а теперь уже – и состарилась. О ней можно было сказать, что Всевышний ее выковал словно из золота. Эту золотую старушку в молодости близкие и подружки звали Нуранией, теперь же стали называть святым словом «Ана», то есть «Мать». А Слово «Нур» само означает понятие луч света, луч солнца. Вот и получается, что Нур Ана и есть Лучезарная Мать. И действительно, присущий ей приятный цвет лица, теперь уже смуглый, никуда не делся, а стал поистине золотистым. Но это уже не веселит: от былой жизнерадостности не осталось и следа, все сгорело дотла. Белые, словно луна, волосы почти не отличаются от белого на её голове платка. Но жизнь Нур Ана любит по-прежнему и продолжает надеяться на лучшее, если не для себя, так для других...

Нур Ана всегда была немногословной, и неболтливой: она считает, что слов, как и лекарств, много быть не должно. Лекарства лечат не количеством. По мнению Нур Аны болтуны говорят много, но толку от них мало. Они не люди, а черви, которые подтачивают организм изнутри и – под самый корень. Едят всех, кого ни коснутся. Эти черви, наконец, и у нее тоже завелись... В душе ее. И грозятся ей порчей, а то и гибелью. Вот на этих людских червей она зла всегда. Но Нур Ана верит, что сады в ее родном селе Чарбаге обязательно зацветут вновь и что в маленькие окна низеньких домов вновь пробьются лучи света и заживут люди счастливо.

Старушке Нур Ане уже лет под восемьдесят. Высокая, худощавая, она имела привычку залезать на плоскую крышу своего дома, а дома в селе стояли в притирку, один к другому. И говорила она себе: сколько ни поливай камень, он не будет зеленеть и расти, только покроется плесенью. Так и болтуны... Не зацветут никогда. Их жизнь... так и покроется плесенью, как покрывается плесенью камень.

Вспомнила она о болтунах не случайно. Просто увидела с крыши своего дома майскую зелень вперемежку с лазоревыми цветами. Ее слова о болтунах могли услышать соседи, ибо оказалось, что она говорила она не про себя, а вслух. А соседи могли посмеяться над ней...

Нур Ана, думая так, только радовалась: раз всюду зеленеет трава и цветут цветы, значит, и жизнь людей тоже зацветет. Так она жила...

Старая Нур Ана могла рассказать, каким был день какого жаркого лета или теплой осени, или зимней стужи, когда и как проходили дни и годы... А почему Нур Ана в этой древней, когда-то многолюдной земле живет одна и чувствует себя одинокой, знала она одна лишь, сама. Блюсти тайну, ох, как трудно! А тайну ее сердца высказать еще трудней... Одни считали ее

выжившей из ума, другие так не считали, жалели. А она отвечала им на это: «Вас надо жалеть, несчастные! Жалеть за то, что не уважаете ни землю, ни камни, но воды наши... Хорошо, что еще не презираете все это! А ей, немощной старухе, удалось вынести, преодолеть все трудности и сохранить энергию и волю к жизни». «Наступит день, – думала она, – и в ее груди вспыхнет великое пламя, которое выжжет из ее души все злое, а сердце ее опять подобрет».

Сидя на плоской крыше своего дома, Нур Ана посмотрела на ладони своих рук. Ей показалось, что испещренные линиями руки ее были похожи на ее сложную жизнь.

Приложив руку козырьком к морщинистому лбу, она всматривалась вдаль, в сторону сел Байсеита и Малыбая, и плакала, вспоминая односельчан, ушедших туда на постоянное жительство.

Каждый день поднималась она на крышу своего дома с одной, единственной целью: увидеть хоть кого-то! Но ни разу ей не удалось увидеть своих бывших сельчан: ни едущих на лошади, ни на осле, ни просто идущих пешком. Ни разу. «Что они, забыли меня, что ли? – думала Нур Ана. – А ведь были такими внимательными!.. А, может быть, и они обвиняют меня?.. Что я их забыла?.. Может быть...»

Но она не отчаивалась. Верила, что односельчане когда-нибудь все-таки, придут к ней и они встретятся. Не к ней, так к земле, где они родились. Потянет их сюда обязательно и они придут в свой родной Чарбаг! Она верила в это, но все-таки когда одна-одинешенька обходила Чарбаг, плакала...

* * *

И вот теперь Нур Ана – одна, единственная жительница Чарбага и единственная его хозяйка. Сколько деревьев срублено с тех пор в Чарбаге! Но ничего не сможет помешать ей верить в то, что когда-нибудь однажды жизнь вернется в село и теперешняя пустота заполнится, наконец, детским смехом и всеобщим весельем. А сейчас...

Вот сейчас тяжелые облака прольются дождем на землю Чарбага и зазеленеет трава, и зашелестит листва, а плодовые деревья покроются белым цветом... Вот! Вот и загрохотал гром, и засверкали молнии! А вот и дождь пролился живительной влагой...

Нур Ана брела и брела, не помня – куда шла и зачем, и оказалась у кладбища... Она остановилась и одной из многочисленных могил. «Ну вот и вас оставили вместе со мной, – проговорила она, словно продолжая беседовать с душами умерших. – Если бы вы были живы, возможно, и вы остались бы в Чарбаге и других уговорили бы остаться... Однако вы не дождались этих дней, избавили себя от выбора – остаться или нет в родном селе... А, может быть, вы сделали правильный выбор?..»

Немного постояв у могилы, Нур Ана, босоногая, отправилась домой.

...А дома крыша протекла. «И как ей не протечь?! Ведь на крыше завелись мыши! Вот и проделали дыры в потолке! И кот их уже не пугает...

Пресытился, видимо... Еще бы! Вон сколько их! А в подполье еще больше!..»

Это все Нур Ана помнит еще с юных лет. Она тогда была молодой женщиной, только что вышедшей замуж.

II

К утру дождь перестал. Нур Ана вылила дождевую воду, накопившуюся в различных емкостях, которые она понаставила вчера под струи дождя, вышла на улицу, вновь залезла по лестнице на крышу и стала всматриваться вдаль, но там, как и прежде, не было никого. Никого не видно и голосов детей не слышно, которые лишь недавно играли здесь в детские игры. Тихо кругом... Вокруг – ни души!.. Мертвая тишина...

Нур Ана опять пошла слушать эту тишину по улицам мертвого села. Многие дома были без крыш, остались лишь стены, которые разрушит природа. Ведь скоро начнется сезон дождей...

От садов, что цвели раньше у каждого дома, не осталось ничего. Но Нур Ана помнила эти сады, помнила их красоту, богатство плодов – и яблонь, и груш... Она не только представила эту картину ясно, но и услышала вдруг голоса хозяев этих тенистых садов, представила их так явственно, что захотелось крикнуть, окликнуть их...

Все это Нур Ана увидела так явно, что сердце у нее екнуло, в глазах потемнело, голова закружилась и старушка чуть не упала здесь же, у сада Касыма, если можно назвать садом одни пни, оставшиеся от когда-то росших здесь фруктовых деревьев. А ведь в Чарбаге не было ни одного дома, за которым не рос бы фруктовый сад. Теперь садов нет, как небывало...

Видимо, пока некому поинтересоваться судьбой Чарбага, но не сегодня-завтра найдется такой человек! И тогда надо быть готовым рассказать ему, что стало с этим селом, как оно дошла до жизни такой. А те, кто потом узнают это, обязаны поведать об этом всему миру!..

* * *

Лучезарная мать подошла к свекру и произнесла раздраженно «Что же Вы, отец, как каменный сидите?! Если все будут так молчать, они ведь сядут на голову всем! Кто же их тогда остановит?..»

Старик не обиделся, а задумался над словами снохи.

– Ты права, Нурания... Права, невестушка моя. Вон люди с топорами и пилами! Кто они? Я впервые вижу их! Это явно не наши, не местные!

Старик не знал, и тех, кто их послал сюда с преступной, видно, целью.

– Что же вы так и будете сидеть камнем безучастным! – сказала в сердцах сноха, и это придало сил и смелости старому садовнику. Он встал и пошел энергично к молодым людям с топорами и пилами.

Подойдя к коренастому молодому человеку, старик вырвал из его рук топор.

– Выходи из чужого сада, а то зарублю! – приказал ему старик. – Это ты моих детей убиваешь! Вон отсюда!

Никто и подумать не мог, что старый человек, который только что сидел безвольно на скамейке, может так разъяриться...

Молодой человек, у которого отобрали топор, пошел к выходу из сада, наступая на валявшиеся всюду под ногами совсем еще зеленые яблоки.

Старик остановил его:

– Эй постой! Вернись! А ну, собери яблоки!

Тот покорно стал собирать...

– Теперь ешь эти яблоки! – приказал старый садовник.

– Они же зеленые! Как я их буду есть?

– Съешь и зеленые! Я тебя заставлю! – воскликнул старик, продолжая наступать.

Молодой человек, видимо, понял душу старого садовника. Сад для него – все равно, что дитя родимое! А сам-то... Ни живой, ни мертвый... Что с него возьмешь?..

– Идемте отсюда! – сказал молодой человек своим товарищам. – Все равно старик не даст работать. Спорить дальше с ним бессмысленно. Идите за мной!

И все они ушли из сада старика. А те, которые работали поодаль, продолжили рубить соседний сад, не обращая на беднягу никакого внимания, который лег на землю, стал крутить головой и стучать сокрушенно кулаками, не зная, что дальше делать... Рубщики же лишь посмеивались над немощным стариком, называя его чудаком, да и только...

Нур Ана опять расстроилась, да так, что почувствовала боль в сердце. Ей стало тяжело дышать. Она и старый садовод ощутили себя уже не хозяевами своего дома, своего сада: они были похожи скорее на беспомощных, неоперившихся птенцов, выпавших из гнезда. Нур Ана грустно подумала, что эти молодые люди, видимо, никогда не бродили весною в таких садах за руку с любимой девушкой... А, может быть, у них и садов-то таких никогда не было... Она помогла старому свекру встать и вывела его из сада.

– Что с Вами? – участливо спросила его сноха.

– Этот сад мне был вместо сына, Гопуржана. Сад живет, значит, и сын мой жив! А теперь вот сада нет...

Нур Ане стало очень жаль старика...

– Что со мной, сноха?! Других-то я прогнать не смог! Сил не хватило?.. Неужто я так ослаб?! Никуда уже не гожусь? Да?

И старик горько заплакал. Нур Ана, обняв его, тоже заплакала.

– Ты узнала его, этого молодого человека? Ну, почему молчишь? Признавайся! Узнала его?..

– Да, узнала, – призналась Нур Ана.

– Кто же он? Как его зовут?.. И почему мы должны покинуть Чарбаг?.. Надо идти туда, куда следует! Жаловаться надо! От нашего плача пользы не

будет. Следует обратиться к кому следует с этим вопросом? Следует? Да? Ответь, сноха!

– Это очень трудный вопрос... Ведь это – решение государства...

– Решение! – воскликнул старый садовод. – Кому нужно такое решение?! Веками жило село! А разрушить его можно в один день!.. Сотнями погибали солдаты в войну, а село жило! Для чего?! Чтобы за один день сравняли его с землей?! Что это за решение? Как можно вынести такое решение?! Это какое-то недоразумение! Такое решение нельзя оправдать ничем! Люди разрушают дома, чтобы утащить перекрытия, разные балки. Их можно потом использовать для строительства, а кому-то и – разрубить на дрова... Ведь это и хороший стройматериал, и хорошее топливо! Хоть куда используй!

Все это Нур Ана знала, но делала вид, что ничего не видит. Боялась, что кто-то ее же и обвинит. – «Итак все обвиняют меня во всех бедах! И в колхозе, где я была председателем... Но справедливость однажды восторжествует!» – думала она и была права, ибо знала, кто во всем этом виноват.

А старый садовод продолжал, убеждая ее в том, что вот этот дом с большим садом достался ему от отца! А фруктовый сад посадил еще до войны его сын Гопуржан...

– Вот от кого мне перешло все в этом доме! Ничего для людей не жалел, все отдавал, что было в саду! Сколько хочешь фруктов, бери! Ничего не жалел! Ты же знаешь, сноха моя! И Чарбагцы все знают! Они всегда были довольны мною...

Нур Ана очень даже понимала старого свекра. Для старика – ходить по еще зеленым яблокам, топтать их – равносильно тому, что топтать выпавших из гнезда живых птенцов.

– Ты видишь, Нур Ана, эти яблоки?! – продолжал тем временем бормотать старик...

– Конечно вижу! Мне тоже жаль их, но что я могу поделать?.. Беспомощная я...

В это время к ним подошли двое мужчин. От неожиданного появления чужаков у старого Касыма яблоки выпали из рук, упав на траву. Один из пришельцев подошел к старику:

– Я из Малыбая, – сказал он. – Меня зовут Айбек. Я – председатель колхоза. Малыбай – село, богатое и землей, и водой. Люди там счастливые!

Председатель колхоза села Малыбай решил обойти Чарбаг. Он остановился около амбара с зерном. До войны здесь была школа. Во время войны школу закрыли, помещения приспособили под хлебный амбар, для хранения посевного зерна. Старый садовод Касым с этим был категорически не согласен. Он считал, что школу надо восстановить. Старик был также против того, чтобы перевести Чарбаг в село Малыбай, объединить их. Гость же из Малыбая Айбек пояснил, что перевести село Чарбаг и объединить с Малыбаем – все равно, что объединить две улицы в одном селе. Ничего тут особенного или неправильного нет.

– А разрушенные дома и вырубленные фруктовые сады – это что, тоже – ничего особенного?! Тоже – правильно? А – хозяйства разорять и людей против их воли переселять в другое село, это тоже – ничего?! – возражал старый садовод гостю из Малыбая.

Председатель тоже пробовал отвечать на это:

– Необходимо до зимы закончить переезд! Зима – на носу! Всем нужно поскорее на новом месте обосноваться, обзавестись хозяйством.

– Я-то думал, что ты – человек сердобольный, а ты – бессердечный, безжалостный. Я ошибся в тебе! Не жаль тебе многолетнего труда Чарбагцев. Спилить их сады! К которым они относились, как к своим детям! Заставить их плакать! Рыдать! Чтобы тебе пусто было! Чтобы в твоём очаге огонь потух! Чтобы исчезла вода, которую ты пьешь! Чтобы твоя единственная лошадь ногу сломала!..

– Да что с тобой, старик?! Почему ты меня так проклинаешь? Что я тебе сделал такого? В чем я-то виноват?.. Когда люди погибали на фронте, ты купался в прохладной воде своего пруда, ел груши из собственного сада! Фашисты убивали наших детей! Ты их не проклинаешь, а меня проклинаешь?..

– Хватит! Перестаньте спорить! Айбек тут ни при чем! Не он виноват!..

– А кто же виноват?! Ну! Скажи-ка мне, сноха моя!

– Зачем Вам, отец, это нужно? Все равно, если даже узнаете, все равно у Вас сил не хватит их наказать! Так что уж лучше молчать о том, кто виноват. Они сильнее нас. С ними ничегошеньки нам не сделать...

Айбек тоже не хотел тратить время на бессмысленный спор. Ему нужно было скорее перевезти людей в Малыбай и очистить Чарбаг от всего, на его взгляд, ненужного...

– Эй молодежь, подойдите сюда! Ближе! Ближе! С сегодняшнего дня все сады надо очистить. Понятно? Ничего не оставляйте! В особенности – в саду старого садовника Касыма.

В это время появился Архон – по прозвищу «хвастун». Он обратился к председателю:

– Братишка, Йолдаш, меня послали за подводой! Многие уже готовы переехать.

– Кто послал? – спросил Айбек.

Вместо ответа тот: «Послали за подводой! И все!» А кто послал, не сказал.

– Братишка, Йолдаш, у меня здесь и раньше не было красивого дома, и теперь нет. Но сегодня чуть-чуть повезло: собрал в огороде немного тыквы. Нужна телега.

– Кто сказал? Кто просил подводу?

– Я.

– Ты? Ну, а просить как следует не научился? На словах, на языке – все сделают, а попросить научиться – нет, не хотят!

– Если враг на нас нападет, вот такие, как ты, станут предателями! Это уж точно!

– Я не понял, о чем Вы говорите, – сказал хвастливый Архон, подчеркивая плечами в знак того, что не понял...

– А я тебя тоже не понял! Что ты за человек? – ответил Айбек.

– Ломайте! – сказал, и мы ломали. Рубите деревья! – сказал, и мы рубили. Что еще хочешь от нас? Не понимаю! – возмутился Архон.

– Кто разрушил Чарбаг? Спросят когда-нибудь! Вот тогда будь готов быть свидетелем всего!

– Братишка, Йолдаш! Дайте телегу! Нам ехать надо! Дел еще много в Малыбае! – сказал опять Архон.

Айбек подозвал одного из только что прибывших из Малыбая и приказал ему:

– Погружайте вещи Архона и отвезите! И сразу возвращайтесь обратно. Быстро! Быстро! Поняли?!

– Да, понятно... Как не понять?..

– По дороге не останавливайтесь! Не увлекайтесь сбором ягод! Не заставляйте меня долго ждать! Поняли?!

– Да, поняли: не собирать ягод, возвращаться быстро.

В Чарбаге таких людей, как хвастун Архон, еще много. По мнению Нур Аны – на одно село по одному хвастуну достаточно было бы, но их значительно больше...

Люди, пришедшие с топорами и пилами, обратились к старому садоводу: «Ну, пошли, старик, к тебе в сад! Посмотришь, как мы будем чистить его...»

Сердце у старика сжалось от боли и он упал там, где сидел – у стены разрушенного дома.

Придя через какое-то время в себя, Касым медленно поднялся и, помолчав, обратился к молодым людям, сказал:

– Сперва убейте меня, чтобы я не слышал ни стука топоров, ни шума пил. Я не обижаюсь на вас: вы не можете послушаться ваших хозяев. Ведь вы – никто! У вас не хватит воли – послушаться. Я вас понимаю: вы – такие же беспомощные, как и я. Вот вам моя голова! Не жалейте меня! Убейте! Мне уже и жить-то немного осталось. Я думал всегда, что меня ждет мой единственный сад... Пока я не умер и живу, я должен заботиться о саде вместо тех, кто погиб на войне... А их было много!.. Больше четырехсот молодых односельчан наших погибли, защищая нашу Родину от фашистов! Больше четырехсот... моих сыновей..., которые раньше могли заботиться о саде... Теперь их нет... Так кто же позаботиться о саде, если не я?.. Мне незачем жить... Для чего?!

Я прощаю вас. У вас нет воли и возможности – постоять за мой сад... Даже если захотите... Убейте меня! Я все равно не вынесу, если вы на моих глазах будете уничтожать мой сад!

– А Вы, Нур Ана, были, кажется, председателем колхоза в этом Вашем Чарбаге? – спросил Айбек.

– Да, была, – ответила та.

– Хорошо. Я должен у вас принять хлеб в амбаре.

– Ну, идемте, – тихо ответила Нур Ана.

Айбек пошел за ней к амбару и, подойдя к двери, проверил, не закрыта ли она.

– У кого ключ? – спросил Айбек, всматриваясь в окошко амбара.

– У меня, – тветила Нур Ана. – Вот, держите. Можете открыть.

– Уважаемая Нур Ана, пожалуйста, откройте сами! – сказал Айбек, улыбаясь. – Слава богу, никто не попытался украсть пшеницу, хотя люди и голодны.

– У людей, значит, совесть есть. Что бы я могла сделать, если бы даже и украли?!.

Нур Ана была довольна.

Айбек приложил руку к спине Нур Аны, погладил ее.

– Слава богу, хлеб есть. Но каково его состояние? Не перегрелся ли?.. Не испорчен ли? Давайте посмотрим!

Он взял женщину под руку, другой попробовал пригнуть ее голову вниз. Но вдруг Нур Ана закричала: «На помощь! Помогите!»

Старый садовник Касым, услышав голос снохи, поняв – в чем дело, прибежал и схватил Айбека за руку:

– Попробуй еще хоть раз обидеть мою сноху! Будешь дело иметь со мной!

– А я сейчас закрою тебя в амбар! – пригрозил Айбек старику. – Зачем ты вмешиваешься! Она – женщина без мужа, может, сама хочет, чтобы кто-нибудь ее приласкал... Женщина есть женщина!..

Нур Ана взяла замок и показала его старику. Тот сразу понял, что надо делать...

Айбек же расхохотался:

– Сколько ты будешь за своей снохой следить?! Не мешай ей! Пусть делает, что захочет! Тем более, что твоего имени в списке переезжающих в Малыбай нет. Ты поедешь в Байсейит, так, что скоро все равно не сможешь за ней следить. Привыкай!

– И я не записывалась к тебе, председатель! Никуда я отсюда не поеду! – сказала Нур Ана.

Она и старый садовник не успели закрыть председателя в амбаре под замок. Он побежал к телегам, отправляющимся в Малыбай.

По дороге Айбек чуть не наступил на живых птенцов, выпавших из гнезда...

– Эй, ты, осторожно! – крикнул старик. Но Нур Ана остановила его:

– Не трогайте его! Он готов сейчас не только птенцов, но и детей... обидеть... каблуками своих сапог!.. И старик оставил председателя в покое.

– Ну погоди! – произнес напоследок, и замолк.

Был уже полдень. Люди сели обедать. Председатель Айбек не дал им попить чай.

– В Малыбае будем пить чай, – сказал он. А сейчас – в путь!

Нур Ана вместе со свекром не спеша попивали чай, что называется – обедали:

– Нам некуда спешить, правда?.. – сказала она задумчиво...

– Я никуда из Чарбага не поеду.

– Послушай меня, сноха моя! Твой хлеб в амбаре два года лежал. Зерно теперь будет посеяно в чужой земле. Чарбаг и его земля теперь никогда не увидят зерна, предназначенного для посева. Нелегко, конечно, привыкать к чужой земле... Никто этого не хочет, но... Что поделаешь?.. Придется. Ты, сноха, свое упрямство оставь. Будем жить, как все...

– Нет, я никуда не поеду. Чарбаг – земля, где я должна остаться навсегда, на вечные времена. Она – моя, единственная! Куда я могу от нее уйти?..

– Не говори так! Будь что будет! Узнаем, что такое – жить на чужой земле... Разделим участь всех односельчан, сноха! Не упрямясь!

– Ты – как хочешь, а я остаюсь тут, – сказала, как отрезала Нур Ана.

Наступило долгое молчание... «Да-а-а, ее решение, как видно, серьезное...», – думал про себя старик.

– Смотри, сноха! Подумай еще раз! Будешь, как перст, одна! А одной... Ох, как трудно! Подумай хорошенько. Еще не поздно. Поедешь со мной в Байсейит.

– Я об этом ясно сказала на бюро райкома.

– Так ты знала, что объединяют два колхоза? Почему не сказала мне тогда же? – обиделся Касым.

– Да, я знала еще тогда...

– Скажи же, доченька, почему не сказала мне?!

– Слишком трудно мне было сказать об этом кому-либо...

– А как ты думаешь, дочь, как передавать зерно Айбеку? Будете взвешивать? Или...

– А зачем вам, отец, это знать? Какая разница?..

– Я взял из амбара один мешок пшеницы. Украл, короче говоря!

– Надо вернуть. Иначе нельзя!

– Ты выслушай меня, доченька! Не перебивай! Я скажу, зачем брал. Мы же хранили это зерно для тех, кто должен был вернуться с фронта. Но... Не вернулся никто. Или почти никто. И вот – хотел я устроить погибшим на фронте солдатам нашим поминки. Не для себя украл...

– Надо вернуть пшеницу отец!

– Об украденном мешке зерна не проговорись, сноха! Прошу тебя! Сделай вид, что ничего об этом не знаешь!

– Не просите отец! А поминки... Может, у людей найдется немного муки, чтобы устроить поминки по погибшим на фронте...

– Не говори! Не проговорись доченька!

Айбек не спрашивал, сколько в амбаре хлеба. Он лишь спросил, нет ли у нее двух пустых мешков: в амбаре осталось мешка два пшеницы.

– Мешки? – переспросила Нур Ана.

– Да, мне нужно два пустых мешка, чтобы убрать остатки зерна. Двух мешков, пожалуй, хватит.

– Сейчас! – сказала она, обрадованная, побежала и принесла мешки Айбеку. Тот обрадовался и подумал, что у Нур Аны приятный голос.

– Простите, пожалуйста меня. Я виноват перед Вами, – сказал он. А Нур Анну по-прежнему мучил мешок пшеницы, который украл свекор.

– Не прощу! – резко сказала она и отошла от председателя. Айбек передал два пустых мешка молодым людям и те стали быстро собирать и класть в них остатки зерна.

Нур Ана до этих пор никогда, ни разу не поступала против правды и ее мучило, что она, пусть впервые, но перешагнула через честность, огорошив этим старого свекра.

Она, естественно, скрывала от него ту истину, что допустила этот поступок ради своего покойного мужа. Столько лет, будучи председателем колхоза в селе Чарбаг, она никогда не позволяла себе ничего подобного. Сегодня впервые, ради свекра, ради старого садовода, можно сказать – согрешила. «Ладно, – подумала она – ради его сына... Ради моего мужа... Пошла против правды...» И... облегченно вздохнула.

Айбек видя, что Нур Ана смотрит на него пристально, понял это по своему, а она на самом деле смотрела на него с презрением, ибо чувствовала по отношению к нему отвращение. Айбеку было жарко. Он снял тюбетейку, скомкал ее и вытер ею свою мокрую, жирную шею.

– Готовьтесь к отъезду! – крикнул он. – Телеги, запряженные лошадьми – вперед! Волы – после них! И последними пусть следуют ослы! – приказал он. – Ну, вперед! Вперед! – слышался его голос. – Вперед в Малыбай!

Чарбагцы, прежде чем двинуться в путь, в последний раз взглянули на родное село... Некоторые упали на колени, прощаясь с Чарбагом. Старики, подняв к лицу ладони, молились, прощаясь с родным полуразрушенным селом. Женщины, пожилые жители Чарбага, кончиками головных платков вытирали слезы, молодые же прощались с молодостью, проведенной в родном селе. Старики, мужчины и женщины, жалели, что не умерли здесь, до переезда: тогда бы им не пришлось покидать свои дома, остались бы они на кладбище, хоть и мертвые, но – на родной земле.

– Щедрая земля наша, не обижайся на нас за то, что оставляем тебя! – шептали люди, обращаясь к ней, как к родному, живому человеку, к земле Чарбагской... А Айбек в то же самое время покрякивал: «Ну, чего стоим? Трогайтесь! Дорога впереди длинная! Отправляйтесь!..»

И все, наконец, тронулись в путь.

Чарбагцы шли и ехали в Малыбай, словно провожали умерших на кладбище, понуриив головы, с глубоко трагическим видом. Телеги на кочках потряхивало, многие шли пешком, кто-то вез за руку маленьких детей.

Среди Чарбагцев был один низкорослый, конопатый молодой холостяк. У него была своеобразная привычка: Он носил на поясе табачный кисет и фляжку с водой, а в руке постоянно держал любимый музыкальный пятиструнный щипковый длиннющий инструмент – тамбур. Он часто играл

на нем и пел, когда хотел сам или когда кто-то его об этом просил. И он никогда не отказывал никому, потому что сам любил играть и петь. А пел он совсем не дурно, и даже очень красиво. Звали его Кевир с обязательной приставкой «красавец»: «Кевир-красавец» или же «Красавец-Кевир». Он не стал разрушать свой дом в Чарбаге и никому не давал разрушать его. На вопрос председателя Айбека – почему? – он отвечал: «Я пять лет строил свой дом, чтобы жениться. Пять лет строил и улучшал! А здесь вдруг в один миг разрушить? Я же не дурак и не разрушитель! И на улице не останусь! Не оставят меня мои односельчане без дома! Они меня всегда ищут и ждут. И в Малыбае, и в Кораме, и в Чилике – всюду люди ждут меня, хотят слушать мои песни, а я им пою с большим удовольствием. Пою всюду и перед всеми. Кевир-красавцу не нужно ничего: ни дома, ни скотины, ни какого-то другого богатства про запас. Люди ждут меня и хотят видеть и слушать круглый год, и зимой и летом. Зачем мне копить богатство! Ничего мне лишнего не нужно: была бы фляжка с водой на поясе, да кисет с табаком. Вот и все! Я сегодня здесь, а завтра там!»

Глядя на Кевира, Нур Ана думала: «Всем он нужен, все ему дадут приют». Ей нравился его образ жизни. «Ты, Нур Ана, свеча нашего Чарбага! Его теперь мы оставляем тебе одной. В твоём очаге не потухнет огонь никогда. Я всегда буду приходить к тебе, чтобы узнать, как тебе живется в Чарбаге! Трудно будет тебе одной, но ты все вынесешь! Все вытерпишь! Ты сильная женщина, Нур Ана!».

– А я каждый день с крыши моего дома буду глядеть на дорогу и ждать тебя, Кевиржан! – отвечала она любимому певцу. – Пусть всегда звучит твой тамбур и песня твоя!

Кевир сердечно поблагодарил Нур Анну за теплые слова и, сев на своего осла, поспешил догонять чарбагцев, направляющихся в Малыбай.

Тем временем к подводам подкакал Айбек. Он остановил телегу садовода Касыма и спросил его: «Ты что под нагруженным лесом спрятал пшеницу?»

– А что брат, что-нибудь случилось? – спросил в свою очередь Касым, сделав вид, что не расслышал...

– Ты спрятал пшеницу под доски?..

– Да что ты! Не-е-ет!

– А это что? Смотри! Пшеница сыпется из телеги!

– Эх, мешок продырявился! Жаль... Смотри-ка, какой глазастый председатель! Увидел же то, чего не заметил я. Как курица! Найдет зерно и под мякиной! – не сказал, а подумал Касым. – Пусть сыпется, мне-то что?! Не я туда положил...

– Кажется, из колхозного амбара? Украл, что ли?..

– Да, колхозная пшеница! Да, украл! Что же оттого?..

– Но ты ведь знал, что это зерно – для посева?!

– Да, знал!

– Вот тебе за это! – воскликнул Айбек и ударил старого Касыма плеткой по голове.

Переезжавшие в Малыбай чарбагцы подбежали к Айбеку, стащили его с седла, стали плевать ему в лицо и требовать: «Проси прощения у старика Касыма!»

– Нет, не стану извиняться перед ним! – стал возражать председатель. – Вы же сами слышали, что он украл колхозную пшеницу из амбара! Он вор! Я перед вором извиняться не стану! А ты, Касым, подтверди, что украл пшеницу, предназначенную для посева!

– Нет, – кричали чарбагцы, – скажи, Касым! Это Айбек заставил тебя признаться?..

– Что я украл пшеницу, это верно, – признался старик Касым.

– Вот, видите! Слышите, что он сказал! – кричал председатель.

– Все равно извинись перед стариком! – требовали чарбагцы и, повалив Айбека на землю, стали тужить его со всех сторон.

– Не буду извиняться! – пробовал возражать председатель, но чарбагцы прижали к земле его так, что он вынужден был уступить силе и проговорил: «Ладно, на первый раз прощаю и извиняюсь за то, что ударил Касыма. Лишь тогда чарбагцы его отпустили и он, встав, сказал старику: «Ради уважения к Нур Ане прошу у тебя прощения за то, что поднял на тебя руку...». Сказал, сел на лошадь и ускакал.

Красавец-Кевир спросил о чем-то тихо у старика, на ухо...

– Пшеницу я взял с целью устроить в Малыбае поминки по погибшим на войне односельчанам. Это правда. Объясни это односельчанам! А то действительно подумают, что я вор, – сказал Касым-садовод. Кевир передал это односельчанам, а те лишь посмеялись над стариком. Они знали, что Касым – честный человек, а не вор и конечно же поверили объяснению садовода. Кевир же тем временем настроил свой инструмент тамбур и начал петь песню. На этот раз Кевир пел о пшенице. Чарбагцы слушали новую песню Кевира, радовались и, в то же время, загрустили. Загрустили они потому, что жалко им стало старого садовода.

А в Чарбаге продолжали разрушать дома, рубить деревья в садах и после переезда людей на новые места. Нур Ана ничего не могла сделать против этого. Теперь она больше думала о том, как обосновались в Малыбае, Байсейите, Корамае и других селах ее дорогие, теперь уже бывшие односельчане-чарбагцы...

* * *

И вот очередь дошла и до Нур Аны... Несколько человек, направленных из Малыбая в Чарбаг, вошли в ее двор и спросили, нет ли у нее каких-либо инструментов вроде кетменя, лопаты или топора... В крайнем случае сойдет и какая-нибудь кирка или мотыга. Не сказали пришедшие ей о том, что и ее дом они собираются разрушить и вырубить сад. Пока об этом они молчали, потому что надо было сперва получить хозяйские топоры да кирко-мотыги. Нур Ана это давно поняла и только посмеялась над ними: «Ничего не получите вы у меня!» – сказала лишь, и посетители вынуждены были уйти ни с чем...

«Это все дело рук Мухтара-карги! – подумала Нур Ана. – Не зря его прозвали «Каргой»: ворон – он и сеть ворон! Всегда только кличет беду. Такой человек ни о чем добром не думает никогда!» Она вспомнила, что он говорил, выступая как-то на заседании бюро райкома...

«Чарбаг теперь – не тот Чарбаг, когда я работал там, – сказал он тогда. – Земля там хорошая, воды – сколько хочешь! Сады, особенно фруктовые, были богатыми. Колхоз был передовым, славился на всю область. А теперь что осталось? Ничего! После того, как Нур Ана стала председателем, колхоз стал сохнуть. Люди беднеют, я бы сказал – бедствуют. А что осталось от пшеницы, оставленной для посева? Не осталось почти ничего! Нур Ана не справилась со своими обязанностями. Когда такие села, как Ташкенсу, Каратурук, Малыбай, Кызылшарк, Кызылжигда, сдавали государству обозами пшеницы, в Чарбаге – лишь запряженные ослами маленькие тележки с зерном, да и те редко появлялись у элеваторов. Руководство колхоза просто руки по плечи совали в колхозные закрома, зерно растаскивали по своим частным амбарам, раздавали своим близким и знакомым. Так же они поступали и со скотом колхозным. Заведующий фермой Аравуддин зарезал колхозного быка и хвастался открыто, что бык был очень жирный, его мясо ела семья председателя колхоза Нур Аны. Что же касается самого Аравуддина, то он приходился близким родственником Нур Аны. Я узнал об этом недавно».

Тогда по решению райкома партии Нур Ана была отстранена от руководства колхозом.

«Меня лишили всего, – думала Нур Ана, – но они не смогут отнять мои человеческие права! Никто не может запретить мне мои мысли и желания! Я не поеду туда, где командуют такие люди как Мухтар-ворон, Мухтар-карга!»

А тем временем люди, посланные из Малыбая для разрушения домов Чарбага, опять зашли во двор Нур Аны. На этот раз они были намерены снести ее дом, спилить деревья в ее фруктовом саду.

– В Чарбаге только Вы остались, одна-единственная, – сказал один из них. – Мы пришли помочь Вам приобрести нормальное жилье. Другой добавил: Нур Ана в это время находилась на крыше своего дома. Третий из пришельцев поднялся к ней «А как будем сносить дом?..».

– Я мастер по вскрытию крыш, – сказал он. – Мне много пришлось разрушать домов, руку набил! Пять минут – и крыши нет: одни стены останутся, да и те не надолго, тоже будут разрушены. Только я дом не дам валить, сам буду снимать крышу, а потом прыгну с крыши в комнату без потолка! Ха-ха-ха! – рассмеялся молодой разрушитель домов.

– А ну слезай с крыши! – приказала Нур Ана.

– Сейчас слезу, только сперва проделаю дыру в потолке, чтобы через нее прыгнуть в твою комнату.

– Ну, что ж... Пеняй на себя! – сказала Нур Ана угрожающе, слезла с крыши и быстренько зашла в сарай, где спрятала кетмень отца, который отец называл «ай-кетмень», то есть кетмень, похожий на луну, но с дыркой по середине круглого полотна из стали. Вооружившись кетменем, она опять

поднялась на крышу. Молодой человек вначале опешил, испугался и даже приготовился выбить «лунный инструмент» из рук женщины с помощью своего кетменя, но Нур Ана и не собиралась на него нападать.

– Ну-ка слезай! – сказала она спокойно.

– Нет, не слезу! Брось кетмень! Или хочешь сама потолок вскрыть? – спросил он, улыбаясь.

– Значит, не слезешь?..

– Слезу, но сперва сделаю дырку в потолке...

Нур Ана не дала ему договорить. Она ударила своим кетменем молодому человеку из Байсейита по мягкому месту. Тот заохал, и даже сам не понял, как оказался на земле.

– Дурная ты женщина! Я слышал и раньше, что в Чарбаге много ненормальных женщин. Оказывается правду говорили о вас! Теперь я сам убедился в этом. Сумасшедшая! Пошли, ребята, отсюда, пока она не довела нас до преступления.

Нур Ана продолжала стоять на крыше спасенного ею дома, опершись на «лунный» отцовский кетмень. А бежавшие от нее молодые люди, удалившись на довольно значительное расстояние, обернулись, будто боясь, что Нур Ана их догонит...

Убедившись, что все закончилось благополучно, Нур Ана заплакала, словно маленькая девочка, и прошептала вслед удаляющимся молодым людям: «Простите меня ради бога... Ведь вы ни в чем не виноваты. А я даже чаем вас не угостила...»

* * *

– Дайте мне лошадь! – закричал Мухтар-карга. Сопляки! Не смогли справиться с женщиной! На что вы вообще годны?! Спятившей старухи испугались!

Молодые люди побежали за лошадью, но лошади не нашли.

– Нету лошади! – заявили они. – Седло – на месте, а лошади нет.

– Так несите седло! – приказал Мухтар-карга. Ему принесли седло. Мухтар сел на седло и начал бить плеткой о землю. Молодые люди расхохотались.

– Чего смеетесь, негодные! Давайте сюда осла! Парни ничего не поняли, удивленно переглянулись, вопросительно поднимая плечи.

– Чего стоите? Давайте осла! Быстро!

– Осла? В контору?

– Уходите вон! А то всех вас порежу!

И нервно вышел на улицу. Там, в саду Кадыра-глухаря он увидел ослиху, которая вот-вот должна родить. Сел на нее и поехал в Чарбаг.

– Смотри, будь осторожен! Не то окажешься повитухой моей беременной ослихи! – смеясь, предупредил хозяин ослихи. Упрямый Мухтар - карга остановил ослиху, спешил, пошел рядом, но все же – в сторону Чарбага. Затем опять остановился, задумался, сказал себе, что едва ли Нур Ана послушается, и передумал идти к ней...

И, подгоняя вперед себя ослицу, вернулся в Байсейит.

* * *

После случая, произошедшего на крыше ее дома, Нур Ана ночью долго не могла уснуть, встала и вышла на улицу.

– Нет не может быть такой тишины! – подумала она – Это – обман... Или я оглохла? Не слышно лая собак... Не слышно соловьев, которые раньше всю ночь, до утра, не переставая, пели...

До утра было еще далеко, но уже можно было в полумраке кое-что увидеть. Она шла по улице, не сознавая, куда идет... Вдруг ей показалось, что она увидела в темноте Кевира-красавца. Нур Ана побежала, чтобы его догнать, но тот будто растворился в темноте. Она все же крикнула: «Ке-ви-ир!», но он не отозвался... «Значит, показалось...» – подумала Нур Ана и вернулась к себе во двор.

Растерянная, она подошла к тандыру, думая, что мать Тохтихан тандыр не подмела. Оказалось, что тандыр разрушен... «Кто же это мог сделать? – подумала Нур Ана. – Кому он мог помешать?.. Кто бы это ни был, но человек этот бессердечный! Не пожалел труда старухи, матери Тохтихан...

«Раньше я на несколько дней уходила: то в Байсейит, то в Корам, то в Чилик – строила людям тандыры, – думала Нур Ана. – Они знали тандырам цену! А эти... бессердечные люди! Разве они ценят чужой труд?! Вот, взяли и, не задумываясь, разрушили тандыр Тохтихан, который ей построила...» – горько заключила она.

Нур Ана мысленно представила старуху Тохтихан, которая имела привычку угощать горячими лепешками всех, проходящих мимо... Говорила им: «Вот только что из тандыра! Угощайтесь!..» И люди, довольные, уходили, поблагодарив ее за кусок вкусной, горячей лепешки.

Нур Ана зашла в коровник старухи, но там не увидела коровы Тохтихан. Где она теперь?.. Разорили старую... Перевезли в Байсейит. Теперь Нур Ана одна осталась в Чарбаге. Вспоминая односельчан и старуху Тохтихан, она тяжело вздохнула. Грустно ей было думать о них. Нур Ана вспомнила Чарбаг, когда он был полон людей. Она огляделась кругом: Всюду царила разруха... Пригодные для строительства на новом месте детали домов люди увезли, забрали с собой. В основном для этого и разрушали дома. А ведь можно было бы и не разрушать... Оставить дома целыми... Но жадные люди сами разрушили свои дома. И чужие – тоже! Чтобы поживиться стройматериалами! Они знали, что никогда не вернуться в Чарбаг. Так зачем в мертвом селе оставлять добро? Так думали чарбагцы. Вот и разрушили все дома... Нужно или не нужно, есть что-нибудь доброе или нет, все равно! Ломать, так ломать!..

Нур Ана смотрела на яркое солнце и говорила ему: «Эй, солнышко, почему люди не такие добрые, как ты?!..» Она почти кричала солнцу! «Почему так бессердечны они, что готовы родные дома гробить! Разрушать» Она закрыла глаза ладонями, чтобы не видеть разрухи... И заплакала...

Успокоившись, Нур Ана решила: «Чарбаг должен жить! Необходимо очистить село от мусора, сохранить старые деревья, посадить новые! И обязательно надо ухаживать за кладбищем. Пока я живу, не могу оставить Чарбаг разоренным!..»

Нур Ана пришла домой, попила чаю и долго сидела, задумавшись... Должно быть она очень устала... Но не только от того, что ходила по всему селу, а и от всяких дум и забот. Отдохнув, она зашла в курятник. Здесь, видно, кто-то побывал... Конечно это была не лиса и не дикий кот. Они бы съели все яйца и задушили бы кур. Должно быть это была куница. Она очень аккуратна и лишнего себе не позволит...

Вдруг Нур Ана услышала мяуканье кота. Увидев его, она сразу узнала: это был кот ее свекра. Приласкав и покормив его, Нур Ана предупредила: «Ты кур не трогай! В доме, видимо, есть куница. Будешь есть то, что я дам тебе сама! Понял?..» Затем она зажгла две свечи, прилегла на старый диван и уснула.

III

Нур Ана встала рано, погасила почти полностью сторевшие свечи, начала уборку во дворе. Прервав это занятие, зашла в дом, поставила на огонь чайник, вновь вышла во двор и продолжила уборку. При этом она босиком залезла в воду, в арык, протекающий через ее двор, и, набирая пригоршнями воду, стала поливать подметенную часть двора. Сейчас она была похожа на девчонку, брызгающую на кого-то водой.

Закончив поливать двор, Нур Ана зашла в дом, заварила в заварном чайнике свежий чай и уже собралась пить, но решила сперва залезть на крышу и посмотреть, не идет ли кто-нибудь из чарбагцев. «Тогда и попили бы вместе, посидели бы за чаем...», – подумала она, но в обозримом пространстве никого не было видно. Пришлось завтракать одной. Аппетита не было. Выпив все-таки чашку чая, Нур Ана вышла на улицу. Вспомнила, как когда-то здесь, мимо ее дома проходили с шумом группы оживленно беседующих людей, направляясь к смежной полосе земель Чарбага и Малыбая, к месту уборки хлебов. Сегодня никого не было видно...

Нур Ана стала приводить в порядок территорию вокруг дома. Она так старательно работала, что не заметила, как устала. Присев отдохнуть, она поставила метлу рядом с собой. В эти минуты Нур Ана продолжала думать свою вечную думу, думу о том, что прошло. Вспомнила почему-то своего близкого родственника Аравутдина.

Когда Нур Ана была председателем колхоза Аравутдин работал у нее заведующим животноводческой фермой. А назначен он был на эту должность всего три дня назад. Его жена, Селимхан, написала и передала в правление на мужа жалобу по поводу колхозного быка. Нур Ана вызвала к себе Аравутдина и потребовала объяснить – что произошло? Аравутдин, узнав о жалобе своей жены, рассмеялся.

– Не смейся, – предупредила Нур Ана, – речь идет о серьезных вещах!

Тогда Аравутдин перестал смеяться и стал рассказывать...

– Я шел по дороге, держа в одной руке веревку, привязанную к рогам коровы. Рассказывая, он хихикал, не переставая...) И вдруг нам повстречался наш бык. Увидев корову, он на нее залез, а я растерялся и не знал, что мне делать. Опомнившись, я стал хлестать быка длинной камчой. Не сразу, но все же он с коровы слез, а она вырвалась и убежала. Бык же как-то странно завалился, упал, будто стал подыхать.

– Я не об этом тебя спрашиваю! Почему ты зарезал быка! И съел! И мясо раздал кому попало.

– Что же мне было делать, если бык подыхает?! Если его не зарезать, мясо ведь пропадет! Вот и пришлось зарезать! Хотя, подумал я, мясо спасу...

– Что мне прикажешь с тобой делать? – сокрушенно спросила Нур Ана.

– Что хочешь, то и делай. Ты – председатель колхоза, сама и думай, доченька. Что-то случилось со скотом... Видимо, напала какая-то болезнь. Надо мне принять какие-то меры... Лечить скот надо! А то так может погибнуть все поголовье...

– Ну хорошо, действуй! Когда сделаешь необходимое, зайди ко мне, – сказала Нур Ана, а когда ее дядя ушел, подумала: Посмотрим, что скажут люди на собрании правления... Судить его или не судить... Посмотрим...»

Аравутдин свое слово сдержал. Он явился к Нур Ане своевременно, а та сказала ему, что собрание приняло решение – обязать его отработать три дня в пользу колхоза. И она сама повела дядю к месту назначения...

– Куда ведешь меня, доченька? – спросил Аравутдин, хотя прекрасно понимал, что ведет она его к месту отбытия наказания как осужденного на три дня исправительных работ. Просто он стыдился людей, которые могли увидеть, что ведет его чуть ли не в тюрьму сама родственница – председатель. – Куда бы ни повела меня, только не веди сама, как преступника, осужденного на черную работу. Людей стыжусь, что именно ты меня ведешь. Давай, ты отстань немного: никуда я от тебя не убегу!

– Ну, ладно уж..., – согласилась Нур Ана, – и дальше Аравутдин пошел сам, поняв, куда надо идти...

* * *

На отшибе села находилась мечеть, которая в год установления советской власти была закрыта и превращена сначала в школу, а потом – в колхозный амбар. До этого помещение мечети долго пустовало и люди прозвали его – «Шайтанов дом». Вот в этот дом и заключила своего дядю под замок председатель Нур Ана. А Аравутдин от страха чуть с ума не сошел, потом что искренне верил, что в этом доме и в самом деле жили и живут шайтаны.

В селе все знали всех. И если долго не видели человека, это сразу становилось заметно. А когда на три дня исчез Аравутдин, о нем стали болтать всякую всячину. Одни говорили, что его посадили в тюрьму в Чилике, другие полагали, что он уже сидит в городской тюрьме, ибо осужден на три года. Кто-то злорадно говорил: «Так ему и надо!», но большинство сельчан его жалели, считая, что Аравутдин – простой, хороший человек.

Ведь он, когда зарезал быка, всем мясо давал даром! Что надо бы его проведать и похлопотать за него...

Узнав обо всем этом, жена Аравутдина, Селимхан, пришла к людям сама.

– Односельчане мои, – сказала она, – Аравутдин – мой муж. Я должна все знать о нем и о вашем решении. А зайдя к председателю и узнав все подробности, потребовала мужа освободить. Однако председатель колхоза Нур Ана ответила ей категорическим отказом:

– Пусть купит для колхоза быка, тогда и решим! – сказала она.

Селимхан обошла всех, кто поддерживал ее мужа и верил, что он не виноват, что бык все равно бы подох. «Зато он спас мясо, которым воспользовались многие колхозники! А сам заведующий фермой вовсе не старался нажиться на продаже этого мяса!» Она просила людей о поддержке и народ собрал почти всю сумму для покупки быка.

Взяв собранные людьми деньги, Селимхан отправилась к месту заключения мужа.

– Вот деньги, – сказала она, вручая их мужу. – Сходи на Чиликский базар и купи такого же быка.

Она заплакала, но быстро успокоилась и добавила: «Люди верят, что ты не виноват. Вот и собрали деньги. Теперь ты сидеть в тюрьме не будешь.

– Люди дали деньги, потому что уважают меня, – сказал Аравутдин.

– Нет, – возразила Селимхан. – Они собрали деньги для твоего освобождения, потому что любят меня.

Аравутдин не стал переубеждать жену, но от денег отказался: «Когда я рассчитаюсь с людьми?! Лучше отсижу срок, сколько дадут, но должником быть не хочу.

– Бери, бери! Что-нибудь придумаем!

– А что мы можем придумать?! Конкретно сказать можешь?..

Но Селимхан не смогла ответить на этот вопрос и замолкла...

– Ладно, давай деньги, пойду покупать быка!.. – согласился Аравутдин.

Он положил деньги в карман, сказав жене: «Побудь здесь вместо меня, я оставляю тебе как заложницу. Объясни это Нур Ане, скажи, что я скоро вернусь», захлопнул дверь.

– Что ты делаешь?! – завопила жена и стала стучать, требуя выпустить ее.

– Пока поговори с шайтаном, а я уже наговорился! – проговорил он и исчез.

Аравутдин съездил в Чилик, купил такого бычка, какого требовала Селимхан, привел его к председателю, привязал у входа в правление колхоза. Затем отправился выручать жену. Открыл замок и сказал: «Выходи!»

– Нет, не выйду! Где бык?! – спросила она.

– Купил я быка, отвел к председателю, но ее в конторе не было. Привязал у входа в правление. Не беспокойся!

Селимхан, поправив на голове свой красный платок, вышла на свободу.

А Аравутдин замок выбросил, предварительно разбив его о камень.

Через несколько дней он продал свою единственную корову и заплатил долг тем, кто участвовал в сборе денег.

– Какие хорошие люди! – подумала Нур Ана. Они уважают Аравутдина и верят, что он ни в чем не виноват. И теперь стала относиться к Аравутдину и его жене Селимхан по иному, убедившись, что они – люди честные и порядочные. Таким они и запомнились Нур Ане навсегда. Спустя некоторое время Аравутдин оставил свою должность заведующего фермой и стал простым колхозником. Он избрал работу довольно тяжелую – стал поливальщиком. Здесь тоже его дела не очень ладились...

Он знал, что поливать поля лучше всего ночью. Не привыкший работать по ночам, он несколько раз полив проспал, за что был снят с этой работы и назначен сторожем на току. Но и здесь ему не повезло: чуть что, он стрелял из ружья в воздух, думая, что на ток проникли воры, чтобы украсть очищенную пшеницу. Люди стали жаловаться, что среди ночи кто-то стреляет и не дает им спать. А однажды на самом деле пришли воры и увезли целую телегу отборной пшеницы, воспользовавшись тем, что сторож уснул. А уснул он потому, что стрелять ему запретили.

Теперь Нур Ана не знала, чем занять своего дядю, после того, как он ушел оттуда, где проворонил пшеницу. Она надеялась, что ему повезет на другой работе, что он не привык работать простым колхозником, знала, что Аравутдин – честный человек, что ему просто надо найти спокойную работу. Лучше всего – ответственную, еще лучше – что-нибудь вроде заведующего чем-нибудь. А так он – безвредный и спокойный ... Главное – безвредный человек...

* * *

Нур Ана давно не ходила к пруду, что был расположен на пастбище. «Ой Жайляу». Этот пруд всегда был полон воды, а сейчас воды было почему-то мало. Должно быть, стекающую сверху воду перекрыли тамошние поливальщики. Это и беспокоило Нур Ану.

Однажды в полдень она заметила, что в Чарбаге появилась страшная вонь.

– Что это такое? – подумала Нур Ана. А вонь с каждым днем все усиливалась и не думала прекращаться. Больше того, в селе появились лягушки и Нур Ана поняла: они ищут воду. Но в пруду наверху воды должно быть много? Выходит, там что-то случилось?.. Иначе лягушки не покинули бы пруд.

И она решила сходить туда.

Нур Ана дошла до пруда и увидела, что в нем почти что нет воды. Обнаружилась совершенно гнилое дно. Вот откуда вонь!..

- Куда же ушла вода? И – почему?.. – подумала она. А на гнилом дне гнили рыбы, у которых были открыты рты, словно они просили воды. Видимо, погибая, они ловили ртом влагу. Рыбы – не лягушки. Они не могут жить без воды ни минуты.

В это время у Нур Аны за спиной кто-то сказал по-русски: «О Боже, какой ужас!» Она обернулась и увидела рослого русского молодого человека, одетого по-солдатски. Не обращая на него особого внимания, она продолжила вытаскивать и складывать в одну кучу погибшую рыбу.

– Вот таковы наши дела, солдат! Ты когда-нибудь что-нибудь подобное видел? – спросила Нур Ана.

– Нет, никогда! Это же ужас! – ответил солдат, который тоже стал помогать женщине собирать дохлую рыбу в кучу. – Разве ее соберешь, всю?!

– Подожди меня здесь, я схожу домой, возьму кетмень и лопату. Надо сперва закопать ту, что уже собрали, а потом продолжать собирать остальную. Так хоть меньше вони будет...

И не дождавшись ответа солдата, Нур Ана побежала домой. Через полчаса она вернулась с лопатой и кетменем.

– Комай здесь! – приказала солдату. Тот выкопал большую яму, но не кетменем, а лопатой, потому что не умел работать кетменем. Он так быстро выкопал яму, что Нур Ана не поверила глазам.

– Ну, вот: яма готова. Я Ваш приказ выполнил. Мы привыкли выполнять приказы командира.

– Давай закопаем эту протухшую рыбу!.. Вот и лишилась я и рыбы. И озера! – грустно проговорила старуха и трагически замолкла.

В последний раз посмотрела она на большой котлован, который только недавно был озером, дававшим Чарбагу воду для полива и питья, и сказала, обращаясь к солдату: бери лопату и кетмень, пошли отсюда.

Нур Ана была очень недовольна людьми, которые явно отвели воду, перекрыв канал, по которому она шла в озеро. Солдат же всю дорогу молчал, словно не хотел ей мешать думать свою думу.

Нур Ана вышла в просторный двор, наполнила чугунный рукомойник водой и приготовилась лить солдату воду на руки, на голову, которую он захотел вымыть с мылом: ему казалось, что он весь пропах запахом дохлой рыбы, да и вспотел он изрядно. Солдат снял гимнастерку и приготовился к процедуре умывания, а Нур Ана, начав поливать ему на голову, заметила на его теле большой шрам. Она даже перестала поливать от удивления.

– Что это у тебя за шрам? Кто ты, солдат? Ты, вероятно, кого-то ищешь:

– Да, я ищу одного человека, – ответил тот, поднимая голову, которую еще не совсем вымыл. Как Вас зовут?

– Сейчас меня зовут Нур Ана, а в молодости звали Нуркыз, или Нурбуви.

– Вот! Значит я встретил именно того человека, которого искал! Ваше имя назвал мне однополчанин, мой друг Гопуржан...

Нур Ана постелила ковровую дорожку и одеяло, поставила низенький уйгурский столик, называемый джоза. Джозу накрыла скатертью, достала из сундука кое-какие сладости, налила чай: «Вы пока угощайтесь, пейте чай, а я быстренько выстираю Вашу гимнастерку. Она высохнет быстро. Потом и поговорим, – сказала и вышла. Затем поставила в казане греть воду,

вернулась к гостю, достала из сундука рубашку мужа со стоячим воротником и, обращаясь к гостю, сказала: «Наденьте вот это. А где Вы познакомились с Гопуржаном?»

– Впервые я увидел его в госпитале, куда попал после ранения. Там мы и подружились. После выздоровления я опять попал на фронт. Расставаясь, мы договорились не терять друг друга. Все это время я старался найти Госпуржана, всюду спрашивал о нем, но встретиться нам так и не пришлось.

Настал день Победы, когда один за другим стали отправляться в тыл поезда, развозя победителей по домам. Пока подошла моя очередь, десятки, даже сотни железнодорожных составов прошли перед нами. Поезда останавливались на две-три минуты, я бегал от вагона к вагону, спрашивал у солдат разных национальностей о Гопуржане, но не нашел его. Может быть и он тоже искал меня, как я его?..

Затем я приехал к себе в Алма-Ату и не нашел своей жены: оказалось, она оставила дома, в Тастаке, своих родителей и с кем-то уехала... Я не осуждаю ее. Ведь она получила «похоронку»... Считалось, что я погиб. Ее родителей я взял в свою семью. Они были так рады тому, что я вернулся с войны живой и здоровый, что не напоминали о том, что она оставила их. А ведь что-нибудь узнали о Гопуржане? – спросил молодой солдат.

– Нет. Ничего не узнала, Все жду – не дождусь, всплакнула Нур Ана. – День и ночь прошу Всевышнего, чтобы муж вернулся...

– Скажите, а почему ваше село разорено и почему Вы живете здесь одна?

– Потому что в селе осталось очень мало людей, считают, что колхоз не оправдывает свое назначение и его присоединили к трем другим селам.

По ответу Нур Аны чувствовалось, что она недовольна теми, кто так решил поступить с Чарбагом.

Тут русский солдат представил себе другие села, те, что были разорены войной. Но их разбил враг! А родное село Гопуржана? Кто его разорил? Кто превратил его в развалины?! За разоренные войной села враг ответит... А кто ответит за разрушение целого села в мирное время? Здесь тоже есть виновные! И это время тоже настанет!

– Я тоже так думаю! – добавила Нур Ана. – Но, увы, далеко не все так считают...

Солдат надел выстиранную Нур Аной гимнастерку и в тот же день, попрощавшись, уехал. А она, проводив его, зашла обратно в дом и горько расплакалась. Некому было ее успокоить. Всю ночь Нур Ана, не сомкнув глаз, думала о муже, то и дело давая волю слезам.

IV

На следующий день рано утром Нур Ана опять поднялась на крышу своего дома и стала всматриваться в даль. Рядом с нею расположилась ее кошка.

– Зачем приезжал русский солдат? – спрашивала она сама себя, глядя на кошку, будто спрашивала не себя, а ее... – О чем сейчас этот молодой солдат думает?.. Хорошо, если он хотел сообщить лишь о том, о чем рассказал. Но, только ли?.. Неужели он скрыл что-то недоброе о ее муже?! Не дай-то Бог!..

Тяжелые, безответные мысли Нур Аны прервал шум и мычание коров, возвращающихся через Чарбаг в Малыбай и в другие соседние села. Над дорогой поднялась густая пыль, проникавшая сквозь щели окон и оседавшая и в комнатах дома Нур Аны. Она слезла с крыши, вошла в дом, возмущенно подумав: «Зачем гнать стадо коров через Чарбаг?! Разве нельзя гнать прямо в Малыбай?! Наверное, эти коровы из нашего села... Они, видимо, не послушались пастуха и привычно пошли через родное село... Среди них, наверное, и моя корова... Моя большеглазая...» Нур Ана побежала босиком за уходящим стадом. «Палкёзка! Пал-кёзка! Пал-кёз! – кричала она, называя свою корову по кличке, что значит – «Большеглазая».

– Нет, в этом стаде, видимо, нет моей коровы, – сказала она себе и только повернула назад, как услышала мычание коровы. Обернувшись, увидела: перед нею стояла ее Палкёзка, ее большеглазая корова.

- Это же моя Палкезка! – вскрикнула она радостно, кинулась к своей большеглазой, обняла ее за шею и расплакалась.

Оказалось, корова услышала голос хозяйки, отстала от стада и пошла вслед за Нур Аной.

– Люди Чарбага, разбрелись по чужим селам, словно разбитый весенний лед... Вот и мы с тобой тоже разошлись, – печально сказала Нур Ана своей корове, и та своим шершавым языком стала лизать ей руки.

Нур Ане показалось, что корова совсем похудела, что можно даже ребра ее сосчитать, и будто уже не та, которую Нур Ана знала.

– Ладно! Самое главное, что мы встретились! Теперь иди, догоняй свое стадо! – сказала Нур Ана. – Иди – иди!.. – Но корова стояла на месте, словно не хотела покидать хозяйку. Наконец она медленно, словно неохотно, побрела вдоль дороги в сторону удаляющегося стада.

Встреча с коровой глубоко запала в душу Нур Аны и расстроила ее. Решив, что корова ушла, Нур Ана привычно поднялась на крышу и вдруг увидела сидящего на лошади пастуха, погоняющего длинной плеткой ее корову. Она даже будто почувствовала, что его плетка своим концом достала и до ее тела.

Возмущенная Нур Ана подумала: «Если этот пастух считает, что скотину можно бить, потому что шкура у нее толстая, то он глубоко ошибается: скотина порой умнее иного человека и шкура скотины гораздо тоньше и нежнее, чем кожа некоторых людей, толстокожих, как этот пастух! Чтоб отсохла его рука, держащая эту плетку!» – проклинала пастуха Нур Ана.

Одинокая мать знала часть коров, прошедших только что через Чарбаг. Не зря они шли именно здесь, потому что среди них было много именно

чарбагских коров. И не зря они прятались во дворах разрушенных домов, потому что знали, что это были их дома и их дворы.

В тот день корова Нур Аны опять отделилась от стада. Она опять вернулась в Чарбаг, в свой дом. Увидев ее, Нур Ана очень обрадовалась. Не напрасно казалось ей, что корова вернется! И она вернулась! Широко раздувая ноздри, Палкёзка нюхала одежду хозяйки и лизала ее руки. Так она постояла недолго, и вдруг, будто ее перестали слушаться ноги, рухнула на землю.

– Наверно, от голода, – подумала Нур Ана и стала ругать пастуха: «Этот безголовый «саранча» пасет коров там, где нет травы, где вместо корма – одни камни! Разве корова камни жрут?!..»

Она и так, и сяк честила «саранчу». – Куда смотрел этот проклятый пастух?! И чем он занимается, этот бездельник?! Видимо, он гонял коров туда-сюда, взад-вперед по камням, лишь бы день прошел, лишь бы пригнать, наконец, стадо в Малыбай и – на отдых!..

Мать Чарбага занялась лежащей коровой: дала ей свежую траву, но «Палкёзка» понюхала траву, но есть ее не стала. Тогда Нур Ана попробовала дать ей жидкую пищу – замоченный хлеб и зерно, предварительно зажаренное и сваренное. Но корова не стала есть и жидкую пищу.

– Ешь, ешь! Ты же голодная! Это – голодный обморок! Ну, пей же хоть эту баланду! Не упрячься! – говорила она своей корове, но та лежала, как мертвая.

– Что же с тобой, «Палкёзка» моя? – плакала Мать Земли, обнимая за шею свою любимую корову. Она даже пробовала поднять ее за рога, но не смогла: не хватило сил.

– Палкёзка моя! Палкёз! Что с тобой?! – уже не плакала, а рыдала Мать Чарбага, но корова так и не встала...

В ту же ночь пастух по имени Яри прискакал в Чарбаг к Нур Ане. Увидев дохлую корову, он начал гонять хозяйку по двору и хлестать ее своей длинной плеткой...

– Это ты отравила корову! – кричал он, продолжая хлестать Нур Ану плеткой.

– Бей! Бей меня! Убей, если от этого оживет моя корова, – горько плакала Мать Земли. Но плакала она не оттого, что пастух ее побил, а от жалости к своей корове.

– Ты издеваешься надо мной, потому что в моем доме нет мужчины, да? Был бы муж, он бы тебе показал!.. Жалкий ты Саранча!..

– Завтра вместо тобой убитой коровы приведешь другую! Иначе тебе несдобровать! – предупредил Яри.

– Вот она! Забирай!

– Ты что?! Дохлую корову?!

– Для меня она - живая!

– Эх, ты... Нур Ана... Ты что, не понимаешь?! Я ведь тут ни при чем! Кто я?! Бедняк! Да и только, – смягчился Яри. Видимо на него подействовали слова Нур Аны о муже... А, может быть, он испугался, что она пожалуется

за избиение?.. – Переехав в Малыбай, я же не разбогател! Тем же бедняком остался. Жена моя, Гульямхан, которую ты сама мне просватала, в коровнике работает. Я тоже мизерную зарплату получаю. Детей у нас – полный дом! Я бы сам купил корову, но на что я ее куплю?! Выручать тебе не смогу. Извини от злости не удержался, обидел тебя...

Он снял с себя рубашку и показал свою спину со следами свежих синяков. – Вот, смотри, как избил меня за твою корову председатель Айбек...

И принялся было копать яму, чтобы захоронить в ней тушу коровы, но Нур Ана остановила его...

На следующий день Яри по просьбе Нур Аны приехал и помог ей похоронить корову на окраине людского кладбища. Именно похоронить! «Она для меня – не скотина! – сказала Нур Ана, – а родная душа...» Яри, выполнив все необходимое, отправился к себе в Малыбай, а Нур Ана, завершив печальную процедуру, вернулась домой.

V

Нур Ана была женщиной крепкой, здоровья отличного. Она никогда не болела и вообще не знала, что такое болезнь. Вот почему могла браться и за такую работу, как обнести двор глиняной стеной, посадить вокруг дома кустарник, а в саду – фруктовые деревья.

Когда зимой, в снегопад или стужу она не могла даже на улицу выйти, а не только на крышу залезть, Нур Ана, чтобы показать, что в Чарбаге кто-то живет, что он еще не опустел, постоянно поддерживала в очаге огонь, чтобы хоть дым был виден... Продолжала подбрасывать в огонь поленья, заготовленные ею в достаточном количестве еще в теплое время осени. Так она поддерживала в Чарбаге жизнь, или, по крайней мере, подобие жизни. Настоящую жизнь она одна, разумеется, поддержать не могла.

Потеплее одевшись, надев на ноги сапоги, Нур Ана вышла во двор, очистила его от снега и вернулась в дом. Ей было жаль замерзших, лежавших на снегу воробьев.

* * *

Три дня подряд Нур Ана то и дело поднималась на заснеженную крышу дома: высматривала, не едет ли Оралхан. Когда ей становилось холодно, она спускалась вниз, входила в дом, а согревшись, опять поднималась на крышу. Думы ее об Оралхан сменились воспоминаниями о муже...

Однажды Гопуржан, перед отправлением на фронт, дал ей похожий на прутик саженец и сказал: «Пусть он будет свидетелем нашей любви! Посади его где-нибудь...»

После скромной свадьбы они любили сажать деревья. Сажали их где попало...

«Село без деревьев – разве это село?! Чарбаг должен оправдать свое название. Ведь Чарбаг означает – сад, обнесенный с четырех сторон забором. А без деревьев Чарбаг мне кажется пустыней», – сказал тогда Гопуржан.

У него была странная привычка – сажать деревья где попало... Вовсе не обязательно - возле своего дома, в саду. Он мог посадить дерево и у кого-нибудь перед домом. «Жизнь под деревьями веселее», – думал он. Потом не забывал поливать эти деревья, как только освобождался от работы. Люди называли его за это – жизнерадостный парень, сажающий деревья любви. Беременная Нур Ана заменила мужа. Она тоже почти каждый день поливала то тут, то там посаженные им деревья. Теперь они уже – не прутики, а выросли и стали довольно мощными деревьями. Рос и сын Нур Аны, которому повивальной бабкой стала Хекимхан. Ее иначе называли Экимхан.

Перед уходом на фронт Гопуржан сказал жене: «Оставляю тебе мои деревья, не дай им засохнуть! А мы вас будем защищать от фашистов!».

Мать Земли как сейчас помнит эти слова, сказанные столько лет тому назад... Где он?.. Жив ли мой Гопуржан?!. Не пришлось и сыну увидеть и узнать, что деревья посадил его отец... Нур Ана однажды написала мужу: «Мы с твоим сыном поливаем посаженные тобой деревья и выращиваем цветы», а потом... Потом случилась беда: сын умер... И она зачем-то написала мужу, что сын умер... Вспоминая, ругала себя: зачем?! Горько сожалела об этом!.. А что скрывать?! Все равно узнает! Он, наверное, и не такое видел там, на войне... Переживет и это...

...Кошка, сидевшая рядом с ней, замыкала, и только тут Нур Ана поняла, что и сама замерзла. Зашла в дом, подбросила в почти погасшую печь дрова: в комнате постепенно стало теплее. Она сняла со стены портрет Гопуржана, долго смотрела на него... Затем вытерла стекло рукавом и повесила портрет на место.

VI

Кодек – молодой казах, живущий, вернее, живший в Чарбаге. Его отец был грамотным человеком, в совершенстве владеющим уйгурским языком. Он был одним из тех людей, кто устанавливал в регионе советскую власть. Похоронен здесь же, в Чарбаге, где прожил всю жизнь, до старости.

Сам Кодек – слепой на один глаз, был к военной службе не годен, поэтому в Великой Отечественной войне не участвовал. Работал пастухом, в Чарбаге и в Малыбае. Часто навещался к Нур Ане.

Однажды он прискакал верхом к дому Нур Аны и стал ее звать. Услышав его, она выбежала. На руках у Кодека громко плакал грудной ребенок. Кодек слез с лошади и прямо-таки упал на колени перед Нур Аной:

- Дорогая Нур Ана, – умоляюще произнес он, – помоги нам! Пожалуйста!

– Успокойся, в чем дело? Что случилось?! – встревожено спросила она.

– Вот его мать оставила нас! Ушла, оставив мне ребенка! Помогите! А то он умрет у меня с голоду!

Нур Ана протянула руки и Кодек отдал ей ребенка, сказав: «Я верю Вам! Вы спасете его». И ускакал, успев бросить на ходу, что спешит, так как оставил коров без присмотра.

– Эй-эй, Кодек! Подождите! Что я скажу матери ребенка, если она явится или станет возмущаться, почему ее ребенок у меня? – крикнула Нур Ана, но Кодек уже не услышал ее. Его и след простыл! А ребенок на руках у Нур Аны опять начал плакать.

Нур Ана сунула ему в рот титю и вдруг почувствовала прилив молока в груди. Мать снова приобрела сына!

Через три дня Кодек опять приехал к Нур Ане. Он присел у колыбели безмятежно спящего сына, испытывая при этом чувство радости. Потом рукоятью своей плетки он постучал по дереву колыбели, ребенок проснулся и стал ловить что-то ртом. Кодек посмотрел на Нур Ану.

– Только что покормила его грудью, видимо еще хочет, – сказала она смущенно, покачивая колыбель. Ребенок опять уснул. Кодек сел за столик, стал не спеша пить чай.

– Оралхан – Ваш сын... Мы с Вами жили и живем в обычном селе, пьем воду из одного родника. Теперь не подумайте, что я на что-то свое намекаю.

– Я не об этом. Вы правы: материнское молоко что у казашки, что у уйгурки, все равно для ребенка – материнское молоко. Я о том, как объясню Оралхану, что я – не родная мать.

– Мы с Вами вместе объясним ему правду, – ответил Кодек...

* * *

С тех пор прошло много лет. Оралхан учился в Чилике, жил в интернате. Незаметно для себя Нур Ана полюбила Оралхана, как своего родного сына. Она с нетерпением ждала встречи с ним. Каждая неделя ей казалась нескончаемой. Она пекла в тандыре маленькие вкусные лепешки, шила для него рубашки и каждую неделю ездила в Чилик. Иногда учащиеся интерната выходили в поле помогать колхозному хозяйству. Нур Ана не ленилась отправляться и туда. Иногда она дожидалась Оралхана у интерната.

Однажды Нур Ана увидела человека с тибетской шапкой на голове:

– Вы, наверно, учитель? – спросила она. Я и раньше здесь видела Вас.

– Да, я учитель. Кого Вы ждете?

– Сына, Оралхана

– А-а, очень приятно, Оралхан – мальчик умный, дисциплинированный.

– Спасибо за добрые слова! Я довольна, что познакомилась с Вами.

– Я тоже рад!..

– Недавно, когда я была здесь в очередной раз, другой учитель сказал мне, что Оралхан – разгильдяй. Недисциплинирован, лентяй, ничего толком не умеет делать. Не умеет косу держать, не говоря уж о том, чтобы траву косить... Одной девочке он привязал к косичкам школьный звонок. Учителю математики в карман положил жука, и так далее, и тому подобное...

– Я у Оралхана в классе – новый классный руководитель. Сам преподаю естествознание. Может быть, не все знаю, но лично я ничего подобного не заметил.

В это время прозвенел звонок. Оралхан, увидев Нур Ану, радостно закричал: «Мама приехала! Мама!..» Выпрыгнул в окно, подбежал к ней и обнял ее. Мать гордо посмотрела на учителя, словно хотела сказать этим взглядом: «Вот он, мой Оралхан!»

– Ну, оставляю вас, поговорите... – сказал учитель и вошел в здание интерната.

* * *

– Похудел ты, мне кажется, сынок...

– Еще бы! Мало того, что учиться трудно, еще траву косить заставляют!

– А ты научился косить?.. Сынок...

Вместо ответа на вопрос Оралхан спросил:

– А что ты мне привезла?..

– Вот, самсу привезла. Ты же любишь ее? А еще – лепешки...

– Здесь не дают соленный чай... Ни с молоком, ни с каймаком!..

– А-а-а... Ну, ладно, привезу и молоко, и каймак. Но ты ешь все, что дают! Не отказывайся ни от чего, сынок...

И, подумав, вдруг сказала:

– А у вас в классе, что, нет дверей?.. Что ты прыгаешь в окно...

– Да, говорят, что дверь в войну использовали вместо дров, – соврал Оралхан.

Нур Ана хотела сказать, что может было выйти через дверь, но не сказала. Может, и нет двери?.. То есть дверь-то есть, но, может, правда, что дверного полотна нет? В войну все бывало!..

Зазвенел звонок на урок. Одноклассники Оралхана побежали мимо. Нур Ана каждому из них сунула в руку по лепешке, а они, откусив кусочек, положили остальное за пазуху...

– Ни одной лепешки не осталось!.. – сказал Оралхан обиженно, но Нур Ана успокоила его:

– Хороша та еда, которой ты готов поделиться с друзьями! – говорится в народе, сынок – сказала она, поглаживая сына по голове. – Иди на урок, не опаздывай...

– Скажи им, пусть хоть на один день отпустят меня. Я хочу побыть с тобой.

– А ты, что, не хочешь учиться?..

– Почему?! Учиться я хочу!

– Тогда я довольна тобой, мой сын!

– Завтра опять придешь?..

– Не знаю... Работы много, сынок...

Нур Ана почувствовала, что ребенок не в духе, как-то сник... Она сочла, что это, наверно, потому что его отец, Кодек, привел в дом мачеху...

XXXX

Когда Оралхан учился в институте, Нур Ана не могла уже ездить к сыну так часто: она ездила к нему один раз в месяц. Приезжал к ней и Оралхан, иногда – со своими однокурсниками. Он уже не требовал от нее частого приезда, потому что знал, что мать живет в пустом Чарбаге одна, у нее много работы и ей некому помочь. Оралхан приносил маме чай и конфеты, или еще чего-нибудь вкусного. Заготавливал ей дрова, а когда приезжал с друзьями, привозил в телеге запряженной ослом, саксаул. Заготавливал Оралхан и траву, называемую Котуркара. Огонь от этого топлива держится долго. А росла эта трава здесь же, рядом с Чарбагом....

Однажды, это случилось на свадьбе Оралхана, он познакомил Нур Ану со своей женой, которую звали Сауле. «Вот моя мама», – сказал он. Тут же был и Кодек. Он был сед, лицо – в глубоких морщинах, фигурой – согнувшийся...

– Почему твоей жены нет на свадьбе? Свадьба же – ее! – заметил один из гостей.

- Когда я женился на ней, то думал, что она – соловушка, а она оказалась кукушкой, – ответил Кодек... Нур Ана промолчала, не стала поддерживать разговор. А жена Оралхана, Сауле, родила сына. Дать ему имя Кодек попросил Нур Ану. «Ну, что ж, пусть будет Азиз», – сказала Нур Ана.

После окончания института Оралхан стал работать в одной из целинных совхозов агрономом. Вскоре его избрали директором этого совхоза. Оралхан однажды попробовал пригласить Нур Анну переехать в этот совхоз, хотя в общем-то знал – бесполезно: никуда она из Чарбага не уедет. Так оно и вышло. Нур Ана оставить свое родное село отказалась.

Каждое лето Оралхан привозил Азиза к Нур Ане и оставлял его у нее до поздней осени. Лучезарная мать часто водила Азиза за руку по разрушенному селу и твердила: «Вот увидишь, Азиз, Чарбаг оживет, станет настоящим садом. В это я верю!» Азиз крепко держал бабушку за руку и улыбался, как будто понимал, о чем она говорит.

Он научился у бабушки подниматься на крышу и ждать, говоря словами Нур Аны, людей, которые иногда приходили и приносили разные вести, то добрые, то плохие, хотя конечно не понимал в этих сообщениях ничего.

Однажды Азиз, слезая с крыши, стал звать бабушку. Нур Ана выбежала и взволнованно спросила:

– Ты кого-то увидел, внучек?..

– Да, человек, который кажется горбатым...

- И ты, что испугался?..

– Да... – ответил мальчик.

– Не бойся, милый! Я знаю этого человека.

Нур Ана вышла навстречу пришедшему. Она всегда радовалась всем, кто приходил в Чарбаг. А это оказался известный всем горбатый Закир из Байсеита. Он был известен не только своим горбом, а и тем, что, бросив свою семью, ушел в горы охотиться на косулей. Кроме того, он ставил ловушки на волков. Нур Ана слышала, что он убил уже сотни горных козлов и очень

много волков. А жена его жаловалась людям, что дети его раздеты и голодны, а он давно о них забыл. Еще слышала Нур Ана о том, что этот человек упал с высокой скалы и сломал позвоночник. Его люди нашли и отвезли к лекарю, который его в конце концов вылечил, но Закир все-таки остался горбатым.

Горбатый оставил за порогом мешок, на котором Нур Ана увидела пятна крови. Встретила она пришельца холодно.

– Не узнала меня, уважаемая Нур Ана? – спросил Закир.

– Да кто тебя не знает?! – ответила мать. – Когда другие на войне кровь проливали, ты здесь, в горах, на косуль, да на волков охотился...

– Да, ты права, старая ворона! И не проведать тебя я явился! Кто захочет узнать, как ты живешь?! Кому это интересно?! Всем известно, что ты возишься в навозе в поисках пищи. Два года я следил за одним зверем и где бы ни оказался, всюду вижу не его, а твои следы. И это ты всем сообщала, чем я занимаюсь. Дай хоть чашку холодного чая: устал я, пока шел к тебе.

– Не дам я тебе чаю! Ты же не проведать меня пришел!

– Нет конечно! Кому ты нужна, старая сорока!

– Что ты тут потерял?! Чего ищешь, сумасшедший?!

– Ты все мешала мне поймать волка! Это ведь ты убрала мой капкан? Не так ли? Я его нашел у тебя под забором.

Тут Нур Ана вспомнила, что, возвращаясь с дровами, она неподалеку от дома действительно нашла капкан, который принесла домой.

– Из-за тебя волк, который распорол нашей корове живот, до сих пор жив!

Нур Ана взяла оставленный у порога окровавленный мешок горбатого и швырнула его ему под ноги. Закир поднял свой мешок и вынужден был удалиться восвояси.

– Какую весть принес дядя? – неожиданно спросил Азиз бабушку.

– Дурную! – ответила Нур Ана. Разговаривая с внуком, она немного успокоилась, но неприятный осадок на душе Нур Аны все-таки остался... Вдруг она услышала вопрос внука, который показался ей довольно странным:

– Бабушка! Скажи, пожалуйста, а кто о чем мечтает?..

– Ты это о чем, внучек?..

– Ну, например, о чем мечтает соловей?..

– О саде, о садовнике, о том, чтобы садовник поливал цветы и саженьцы, не дал бы им засохнуть...

– Значит, у нас нет соловьев?

– Да, мой внучек, соловьев, к сожалению, у нас нет.

– А удоуд о чем мечтает?

– Его мечта сбылась!

– А ласточка?

– Ласточка любит летать против ветра. Она мечтает о ветре.

– А рыба о чем мечтает?

– Рыбы мечтают о воде, о том, чтобы вода была всегда. Рыбы тоже любят плыть против течения.

– А твоя песня – о чем?

– То есть – о чем мечтаю я? – спросила бабушка. – На секунду задумалась и продолжила: – О родной земле, о своей малой родине, где я родился. Моя мечта о том, чтобы все заблудившиеся соловьи, заблудившиеся односельчане вернулись домой, туда, где родились и выросли.

– А у тебя есть *своя* мечта? – спросил неожиданно Азиз и тут же добавил: – Вот я мечтаю о том, чтобы ты жила долго-долго! и всегда ждала. Если ты умрешь, кого я буду называть бабушкой?.. – Сказав так, он обнял Нур Анну за шею и стал целовать.

– Ладно, – сказала она растроганно, – постараюсь жить долго. У меня дел много. Мне нельзя сейчас умирать, и даже некогда думать об этом.

– Бабушка, а почему нас всех не записали в Красную книгу?.. Если бы в Красную книгу записали твой Чарбаг, то все люди в нем остались бы жить и сейчас, и ты не жила бы здесь одна. От дяди Оралхана я слышал, что животных моего папы запишут в Красную книгу, и тогда никто не будет их даже трогать, а не то, чтобы ловить и убивать!

– Умница ты, мой дорогой внучек! Спасибо тебе за такую красивую мечту! Спасибо...

VII

Рано утром по заснеженной улице шел, широко шагая, Кевир. Увидев его, Нур Ана весело побежала ему навстречу. Он не ожидал от нее такого, а она бросилась к нему в объятия и расплакалась.

– Как ты тут, родная? – спросил он, – соскучилась по нам? Разошлись мы все, рассыпались, как просо, по разным сторонам! Не собратсья нам снова вместе! – Задумался, и потом весело продолжил: – Малыбайские звезды, оказалось, освещают улицы лучше. Над Чарбагом они – высоко в небе, а там звезды – не выше деревьев. Чарбагцы, как только приехали, заметили это и стали в них кидать камнями. Интересно же: так низко они расположены... Перебили их все!..

– Да что ты?! Кто же этим занимается?..

– Ну, например, я сам. Мне тоже интересно! В Чарбаге не станешь целиться камнем в звезды, кому придет это в голову? Слишком уж высоко они расположены. Да-да, это я, Кевир-дурной, кто же еще?! Кевир, известный по кличке – «красивый». Интересно вот что: звезды там похожи на груши... И все не похожи на звезды! Такие, как у нас под потолком. Думая, а что там, внутри этих груш, я попробовал узнать, схватил, надавил... Наверное, слишком сильно сжал... грушу. По всему телу моему странная дрожь прошла, такая, что я вырвал вместе с грушей целый кусок дерева и швырнул все это в очаг, перед которым вдруг оказался... Сто звезд перед глазами промелькнули! Вот это – звезды так звезды!.. Целый день приводили

меня в чувство. Наконец, чувство ко мне вернулось... Такого в Чарбаге не видели никогда.

– Так ты имеешь в виду электрическую лампу?! Я думаю, что над тобой все смеялись после этого...

– Да, все смеялись, а глаза у них были мокрыми от слез...

– Еще бы! Ведь смеялись-то до слез!..

Но, надо сказать, что все это Кевир-красавец выдумал, чтобы рассмешить одинокую Нур Анну.

* * *

– Вы куда собрались?.. И внука тепло одели...

– Бабушка, а зачем ты закрываешь дверь на замок? И лампу забыли потушить...

– Ладно, дверь закрывать не будем, а лампа пусть горит. Пусть люди думают, что мы дома.

Нур Ана зашла в сарай, вынесла деревянную лопату.

– Я смотрю, ты не спала сегодня ночью? Почему?.. – спросил Кевир, глядя на Нур Анну.

– Ушел сон. Совсем. Бедный отец... Все глаза, наверное, проглядел... Ждал, когда я принесу ему воды...

– Да, ты права. Заждался, бедняга... А где воду будем брать? В Каргубулаке? Ты говорила, что там вода исчезла.

– Придем, увидишь.

– Снегу слишком много выпало. Как пройдем по сугробам?

– Вот бери лопату. Ты будешь нам прокладывать дорогу, а мы пойдем за тобой.

Кевир взял у нее лопату. А куда денешься?! Пришлось открывать дорогу, но больше – ногами своими, чем лопатой. Женщине с ребенком было гораздо легче идти за Кевиром.

Вот и дошли они до родника. Кевир набрал пригоршню холодной воды, выпил.

– Ты что ли открыла глаза слепому ключу? – спросил он.

– Не сглазить бы ключ! Привяжи-ка вот этот платочек к ветке дерева, – сказала Нур Ана вместо ответа. Кевир так и сделал.

Набрав в бочонок воды, они пошли обратно. По дороге домой Нур Ана стала вспоминать историю, разразившуюся когда-то давно у этого источника. Она представила себе Арупа на двух костылях, участника борьбы за установление советской власти в Чарбаге. Аруп был бесстрашным участником Гражданской войны, близким другом отца Нур Аны – Юсупа по кличке «калта чапан» – «короткое пальто», который вел в Чарбаге активную пропаганду за Советы. Аруп призывал мужчин Чарбага вступить в ряды борцов против кулаков. «А кто такие кулаки? Кто должен бороться с ними?» – спрашивали его и он отвечал: «Мы! Хозяева Чарбага! Вставайте! Седлайте своих коней или идите пешком против врагов! Уничтожайте их!»

Аруп и Юсуп не только вели пропаганду среди людей, но и сами участвовали в боях в Чарбаге и у источника, который потом был назван «слепым», потому что был тоже уничтожен врагами – противниками советской власти. Тогда и появились названия – «Мертвая стена», «Священная высота», «Тропинка Арупа», «Слепой источник» в тех местах, где проходили ожесточенные бои за советскую власть.

Нур Ана после боев пришла к ключу, который, как считала она, ослеп. «Надо открыть глаза источнику! – говорила она и сумела открыть ему глаза! Жив теперь ключ! Жив источник жизни!» – радовалась Нур Ана. Не зря же ее называли словом «Ана». Она и есть МАТЬ этого источника! Мать, которая всему доброму дает зрение, чтобы видели все хорошие люди, чтобы видели «Нур» – Луч солнца! Ведь она – Нур Ана! Солнечная, лучезарная мать!

А кто они такие – эти хорошие люди, которые защищали родную землю? – задает вопрос Нур Ана и сама отвечает: «Хорошие люди – это садовод Касым, это Юсуп и Аруп, Аруп-ахун, Юсуп-ахун! Так сама мать называет защитников.

Нур Ана вообще-то была против названия «Слепой родник», но народ так назвал его, когда родник действительно ослеп...

– Прости нас! – шептала Нур Ана, проходя к источнику после окончания боев, разговаривая с ним, как с живым существом. Вручную она убрала всякую грязь и липкую жижу, закрывавшую выход воде. Много раз приходила сюда Нур Ана, чистила ключ с самого утра до позднего вечера и, наконец, очистила родник.

Закончив работу, Нур Ана подняла голову и посмотрела в сторону солнца, которое ослепило ее. Из глаз матери потекли слезы. Она нагнулась над родником и проговорила: «Теперь нас трое: я, ты и солнце, мой дорогой, родник! Я буду называть тебя – «прозревший родничок»! Я наполнила водой тебя, а солнце наполнило влагой мои глаза...» И она крепко зажмурила глаза, уронив слезы в прозревший ключ. И, будто от радости за теплые слова матери, вода в роднике забурлила и на гребне своем понесла слезы Матери Солнца – Лучезарной Нур Аны.

Каждое утро ходила Нур Ана с тыквенной посудой к источнику, чтобы набрать холодной, прозрачной воды из ожившего родника.

– Почему ты не спешишь домой? – спросила Нур Ана Кевира.

- Вот уберу с твоей крыши снег, очищу твой двор, тогда и пойду, – сказал Кевир. – Тесть мой заболел, надо напоить и его ключевой водой.

– Снег я сама очищу! Не задерживайся!

– Нет, я сам! Уже иду на крышу! Видишь, твою деревянную лопату взял...

– А что это у тебя в сумке? – поинтересовалась Нур Ана.

– Набрал воды в тыквинку: буду лечить Касыма. Да и самому полезно попить. А еще в мешочек земли Чарбага набрал...

– Это тоже хорошее дело! Хорошо, что ты не забываешь родной Чарбаг, Кевир!

– Я часто скучаю по родному селу. Как только захочется его увидеть, беру в руки мешочек, потеревлю пальцами землю и становится спокойнее на душе...

– Ты – умница, Кевир! Передавай привет чарбагцам! – сказала мать Солнца, прощаясь с Кевиром. – Не забывай меня!

– До свидания, дорогая Нур Ана! Я вижу, работы у тебя много. Некогда тебе по мне скучать... Но я буду помогать тебе! Как только найду время, опять приеду. И расскажу о тебе всем нашим общим знакомым!..

Нур Ана долго смотрела вслед уходящему Кевиру...

Тут она вспомнила, что отец-то ведь болен! «Что же я стою?! Надо проведать отца!..» И, обращаясь к Азизу, сказала: «Дедушка твой болеет. Давай сходим в Малыбай, проведем его!»

– Дедушка обрадуется нам? – спросил Азиз.

– Ну конечно! Он будет очень рад! Пошли, мой милый! Скорей!..

И они догнали Кевира...

* * *

Дом больного свекра, Касыма, находился на окраине Малыбая. Втроем они и зашли к нему.

Увидев их, Касым-садовник не поверил своим глазам! Он ничего подобного не ожидал и обрадовался несказанно!

– Сноха моя! Ты ли это?! – только сказал Касым и заплакал безутешно, навзрыд. Успокоившись, долго молчал, обняв сноху за плечи.

– Не плачьте, отец, Вы скоро обязательно выздоровеете. А я вот пришла не одна: со мной – Азиз!

– Спасибо, спасибо вам! Спасибо и Кевиру за то, что привел ко мне и тебя, Азиз!

– Мы тебе принесли ключевую воду! Ты же хотел ее попить?!

– Из «слепого» родника? – спросил Касым.

– Нет, из «прозревшего родника»! Мы назвали наш ключ именно так! – ответил Кевир.

– Прозревший родник, говоришь? – удивился еще больше садовник.

– Это Нур Ана открыла глаза ключу. Я своими глазами видел! А ну-ка попробуй!

Касым сделал несколько глотков, долго смотрел с восхищением на Нур Анну и потом спросил: «Как живешь, дорогая моя сноха?..»

– Живу, Вы знаете, в Чарбаге. Хорошо. Нельзя мне оставлять Чарбаг! А Вы, отец, как поживаете?..

– И я живу, слава Всевышнему!, хорошо. Вот только вода и земля тут не такие, как в Чарбаге... Вот это – вода так вода! Спасибо, что угостили меня! Совсем другая вода! Какая земля – такая и вода, видимо... Не так ли?..

– Да, Вы правы, отец. Мы почаще будем приносить Вам нашу ключевую воду. Да, Азиз?

– Да я готов ходить сюда хоть каждый день! – ответил Азиз.

VIII

Наступила весна. Работы у Нур Аны заметно прибавилось. Ее очень беспокоило таяние снега в горах. Мало того, что вода зальет родники и, пусть – на время, но исчезнет питьевая вода! Так еще наводнение грозит новыми разрушениями и без того разрушенным людьми домам. Ведь еще пока есть целые дома... Надо бы воду направить мимо села! А для этого необходимо много сил для рытья разных дополнительных канал-арыков. А где взять эти силы? Одной не справиться с такой работой! Нур Ана вспомнила Мираба Баграша: где он? Если и жив Баграш, то какой толк от него и от его хозяйства? Там, куда он переехал, нет надобности в рытье каналов...

Нур Ана вспомнила, как Баграш весной собирал людей, говорил им о необходимости рыть отводные каналы на случай наводнения. Люди понимали его и слушались. Даже старики и старухи приходили на помощь, вручную выбирали из арыков камни и выкидывали их. Все помнила Нур Ана.

Мать сама начала рыть арыки. Оказалось, напрасно убила свое драгоценное время на эту тяжелую работу: наводнения в эту весну в Чарбаге не было. Знать это заранее она не могла.

* * *

Однажды, когда Нур Ана присела у арыка отдохнуть, к ней подъехали – каждый на своей телеге – двое молодых людей. За ними показались и другие...

– Здравствуйте, уважаемая Нур Ана! – поздоровались они.

– Здравствуйте, дети мои! Куда это вы путь держите?

– Мы – за лесом для постройки конюшни.

– Вы, что, считаете, что наши деревья уже так выросли, что годятся вам на стройматериалы?

– А что? Нет, что ли?..

– Нет! Не дам рубить деревья! Слышите?! Не дам! Возвращайтесь обратно!

– А я тебя и спрашивать не буду! – вызывающе сказал один из приехавших.

Нур Ана преградила дорогу молодому человеку, встав перед ним с кетменем в руках.

– Ну-ну! На что ты надеешься, старуха?! Ведь ты почти мертвая! А ну, пропусти! Не зли меня! – сказал пришелец угрожающе... – Эй, друг! Скажи ей что-нибудь! А то я за себя не отвечаю!

– А что я ей скажу? Она же здесь хозяйка!

– Кто – хозяйка?! Кого ты называешь хозяйкой?!

– Вот она, что стоит перед тобой. Она говорит, что сажала эти деревья вместе с другими чарбагцами.

– Чарбаг уже – не село! Пустой Чарбаг, разрушенный не может быть хозяином! – сказал молодой человек, который, оказалось, приехал из Малыбая. Другой, защищавший Нур Анну, был из Байсейита.

Все, кроме байсейитовца, а к этому времени подъехали и другие!, повернули свои телеги обратно и поехал. Байсейитовец сказал, обращаясь к малыбаевцу: «Ну, чего стоишь?! Поехали обратно!». Малыбаевец рассмеялся: «Я пойду рубить деревья!» – сказал он.

Когда малыбаевец достал из-за пояса острый топор, Нур Ана заплакала: «Проклинаю тебя! Проклинаю!» – причитала она сквозь слезы. И малыбаевец отступил. После этого случая Нур Ана целую неделю болела и не вставала с постели.

Когда ей стало немного лучше, она не смогла больше лежать, встала, вышла из дома и пошла по селу. Подошла к одному из каналов, по которому раньше всегда текла вода. Он был пуст. Нур Ана стала каждый день приходить сюда в надежде увидеть в нем воду, приходила еще и еще, но воды не было. В Чарбаге не было места, где бы не оставался след Нур Аны.

Однажды она решила сходить в Байсейит к гадалке Байсихан.

– Отсюда сегодня солнце взошло?! – удивилась Байсихан, увидев старую подругу.

– Ты меня не ищешь, а я вот тебя нашла.

– О чем ты говоришь, подружка моя?! Я так рада, что ты пришла ко мне! Теперь мы вдоволь наговоримся с тобой! Если захочешь, погадаю тебе...

– Мне некогда заниматься гаданием. Я спешу.

– Куда?! Вот у меня действительно много работы! А ты о чем заботишься? Что ищешь?

– Мне нужны саженцы тальника.

– Зачем тебе они?

– Посажу в землю. Зачем еще нужны саженцы?

– Оставь ты эту каменную землю! Даже воды там нет!

– Вот я и думаю о воде. Это и есть дело, которое меня ждет. Будет вода! В это я верю! У меня хватит сил сделать так, чтобы появилась вода! Я ведь уже пью из «Прозревшего ключа», который раньше называли «Слепым ключом»! Если у тебя есть саженцы, то дай! А если нет, буду искать в другом месте.

Байсихан провела подругу во двор и сказала: Вот, бери сколько хочешь!

Нур Ана достала перочинный ножик и отрезала от одного саженца прутик.

– Что это?! Бери все, сколько есть! Нам саженцы не нужны. Вместо них мы будем держать скотину.

Обе довольные встречей, подружки пили чай, вспоминая пережитое... Наговорившись вдоволь, они расстались...

* * *

Мать Земли очистила конец прутика, вонзила его в мягкую землю у «Прозревшего ключа» и прошептала, обращаясь к ключу и прутику: «Живите! Радуйте и берегите друг друга! Когда-нибудь над вами вновь будет

петь соловьи! И я снова приду к вам, посижу под сенью разросшегося дерева... Потом придет к вам мой внук Азиз. А тал – это святой тал! Он получил название «Маджнун тал» – влюбленный в девушку по имени Лейла... Все знают восточную легенду о Лейли и Меджнун...»

...И тальник разросся под солнцем Чарбага! Он благодарно глядел в глаза Источнику. И они зажили, счастливые и довольные друг другом.

IX

Задача – добыть для Чарбага воду, стала для Нур Аны делом всей ее жизни...

Взяв лопату, она начала копать там, где предполагала, что именно здесь должна быть вода. Доходя до каменистого слоя, Нур Ана бросала лопату и не брала ее в руки несколько дней. Ею овладевало отчаяние, но волю ее это сломить не могло.

Внуку, Азизу, было понятно отчаяние бабушки, но он конечно пока не мог еще помочь ей ничем. И все же – «Дай-ка я попробую копать! – сказал однажды Азиз и взял бабушкину лопату.

– Спасибо, мой дорогой, ты наверное будешь дехканином! – похвалила она внука и продолжила копать кетменем. Но и тут не оказалось воды.

– Бабушка, а что ты ищешь? – спросил вдруг Азиз.

– Воду, дорогой... Воду...

– Воду?! Ничего не выйдет, бабушка! Вода лежит глубже. Тебе разве не хватает ключевой воды?.. Чтобы была вода, нужно копать глубже камней. Много глубже! А иначе – напрасный труд! Одна мука! Не так ли, бабушка?..

– Я не мучаюсь. Это село – моё, земля – моя. И вода должна быть своя! Не смейся, внучек! Надо постараться. Кто старается, тот всего добьется. Помни об этом, дорогой. Посмотри на карту, там не найдешь никакого Чарбага. А ведь Чарбаг – часть большой земли! Наша с тобой Родина начинается с Чарбага а сама родина начинается с источника воды, той воды, которую мы ищем. Чарбаг – наша с тобой родина, дорогой! Кто поверит, что в родной земле, на родине нет воды?! Она есть! Ее надо искать и обязательно найти! Потому что без воды жизни нет. Жизнь есть там, где есть вода. Нет-нет, ты не смейся! Это так! Поверь мне!

И Азиз бабушке поверил. Он очень хотел, чтобы бабушка нашла воду. И поверил в то, что когда-нибудь здесь, под сенью посаженных бабушкой деревьев он будет слушать пение соловья и бабушкины сказки.

* * *

У Нур Аны бывали такие дни, когда она не надеялась, что найдет воду. И тогда она не брала в руки лопату и кетмень. А однажды случилось вот что...

Азиз вышел во двор и увидел бабушку, лежащую на земле. Она говорила земле, как бы обнимая ее, как родное дитя: «Вся надежда на тебя!

Пожалей меня, пожалуйста, подскажи, где в тебе вода?!» И в голос заплакала.

– Бабушка! Мы найдем воду! Вставай! Зачем лежишь на холодной земле?! Не плачь! Вставай!

Бабушка перестала плакать, встала и обняла внука. «Дай Бог, чтобы сбылась наша мечта! Твои слова, обязательно сбудутся, я знаю, черноглазый мой дорогой внучек», – сказала бабушка, поглаживая его волосы, колючие и жесткие, как иголки у ежа.

* * *

...Как-то раз неожиданно во двор к Нур Ане зашел русский молодой человек. Это был Иван, с которым ее муж, Гопуржан, вместе воевал в Отечественную войну. Иван на войне много окопов вырыл, умел хорошо работать с солдатской лопатой. Во дворе никого не было. Иван увидел начатый колодец и, как бывало на фронте, взялся копать. Услышав, что кто-то копает землю, во двор вышла Нур Ана и Азиз.

Бабушка сразу узнала Ивана, и они тепло поздоровались, как родные. «Во дворе никого не было, я думал, что и в доме никого нет, – сказал, как бы извиняясь, Иван, – и я продолжил копать начатый Вами колодец. Такие дела мне знакомы и как-то само собой получилось...»

– Очень хорошо! Ты пришел как раз вовремя. Я рада. Теперь я тебя не отпущу, Иван, пока ты не докопаешь до воды. Но сначала пойдем в дом: я тебя накормлю. И отдохни немного.

За столом разговорились...

– Что бы я без тебя делала, Иван! Где только не пробовала копать!

– Да, конечно, трудно Вам... Я понимаю... Но и без меня, я уверен, Вы бы завершили эту работу с успехом! Я-то уж знаю Ваше старание и возможности! Мое появление немного облегчит задачу. Мы вместе завершим начатое Вами дело.

Немного отдохнув, Иван вышел во двор и продолжил работу.

Через какое-то время Нур Ана услышала голос зовущего ее Ивана. Выйдя во двор, она заглянула в вырытый Иваном колодец, а Иван, весело хохоча, набрал горсть воды, которая за столь короткое время в колодце появилась, и брызнул ей в лицо!

– Верить этому или нет?! – воскликнула Нур Ана и позвала внука, игравшего в доме с котенком.

– Азиз, Азиз! Иди сюда!

– Что бабушка? Что случилось?

– Смотри! Вода появилась!

А в это время из колодца вылез Иван, который только что стоял там по колено в воде.

– Азиз, дорогой! Беги в поле, принеси охапку полевых цветов! – попросила Нур Ана.

Азиз вернулся быстро.

– Бабушка, вот цветы!

– Бросай их в колодец! – сказал Иван.

Цветы посыпались в воду: красные, розовые, желтые...

Вдруг, совершенно некстати, Азиз задал Ивану вопрос:

– А в Алма-Ате, Москве, Ленинграде улицы имеют названия?

– Да, имеют. А почему ты спрашиваешь?

– А почему у нас нет названий улиц?..

Иван хотел сказать, что в Чарбаге никого кроме его бабушки нет, зачем ему названия улиц, но промолчал. А затем заметил:

– Дом твоей бабушки любой человек и без названия улицы найдет. Не так ли, Нур Ана?..

– Скажи, бабушка, у тебя муж есть?..

Нур Ана рассмеялась: «Да, есть. А зачем ты об этом спрашиваешь?..»

– Он, что, оставил, бросил тебя? Как его зовут?

– Гопуржан. И он скоро обязательно приедет!

– Ура! Гопуржан ака!

– А что, если мы назовем колодец «Колодцем Гопуржана»?

– Хорошо, пусть будет так, – сказал Иван.

– А знаешь, Иван, ведь ты оживил Гопуржана аку!

Слово «оживил» громко отдалось в груди, в сердце Нур Аны.

– Именем живого человека разве называют улицу или что-нибудь еще?.. – спросила она.

– Нур Ана права! – отозвался Иван, скрывая, что тот погиб. Нур Ана не знала, что ее муж похоронен в братской могиле в одном из лесов России... Она вспомнила о муже...

– Каждую ночь он ставил рядом с собой тыквянку, наполненную водой, – сказала Нур Ана.

Она вспомнила его молодым. И она была молода, красива... Убирая волосы с ее лица, он шептал: «Я люблю тебя!» – «Я тоже люблю Вас!» – отвечала она, краснея. Это были первые и последние слова перед их расставанием. Девушка тогда вынула откуда-то заранее приготовленный цветастый платочек и прежде, чем дать его ему на память, коснулась платком его лица, как будто вытерла ему слезы... И сама чуть не заплакала...

«Мне будет не хватать родной земли, расположенной на берегу реки Чилик, любимая моя, сказал он тогда, нежно касаясь пальцами руки возлюбленной...».

«Только не оставайтесь где-нибудь на чужбине, влюбившись в какую-нибудь заморскую красавицу, – сказала девушка, стыдливо отворачиваясь от влюбленного взгляда Гопуржана».

«Счастье, которое я нашел на родной земле, разве найдешь на чужой стороне?!» – ответил он.

– Нур Ана! Вы, кажется, мысленно куда-то далеко ушли? – спросил солдат Иван.

– Да... Вспомнила сладостные встречи с Гопуржаном.

– Извините...

– Нур Ана подумала: «Если в Чарбаге было двое умных людей, то одним из них был Гопуржан».

Гопуржан всегда высоко держал авторитет Чарбага и его людей. – «Таким он был, герой нашей земли...» – думала Нур Ана.

Нур Ана предположила, что в том, что Иван опять появился в Чарбаге, есть какая-то тайна. Она решила прямо спросить его:

– Чем наш Чарбаг привлек тебя, Иван? Почему ты оказался здесь опять?..

– Я же говорил, что всегда жду: нет ли от моего друга какой-нибудь весточки?.. Какой-нибудь новости...

– Нет. О Гопуржане никаких новых вестей нет. С войны вернулся один Акрамжан. Только иногда Гопуржан снится мне. Я сама себе свои сны объясняю, сама их толкую. Мне кажется, что ты, Иван, что-то от меня скрываешь. Прошу тебя, ничего не скрывай! Я, конечно, жду от тебя чего-то хорошего, но ты скажи правду такую, какая она есть. Я постараюсь понять... Против правды не попрешь! И ты – ни при чем, ты не виноват во всем. Ты ведь тоже хотел всего наилучшего...

– Нур Ана! Я ничего от Вас не скрываю. Прошу Вас, не думайте ни о чем плохом! На войне бывает всякое... Ведь даже те, о которых говорят – пропал без вести, часто возвращаются домой! Гопуржан жив! Вот увидите, он вернется тоже!

– Дай-то Бог, чтобы твои слова оказались пророческими... Спасибо тебе на добром слове!

– Что Вам еще сделать, Нур Ана? Я готов Вам помогать в любой работе!

– Работы-то много, но я не хочу тебя задерживать. Ты итак много для нас сделал. Ведь ты дал нам воду! Разве такое можно забыть?! Будет время, навещай нас...

В тот же день Иван из Чарбага уехал.

Х

Рано утром, пока Азиз спал, Нур Ана подошла к дому Акрамжана и мысленно с ним поздоровалась, как будто он вышел из дома ей навстречу. Нур Ане показалось, что она разговаривает с ним...

– Здравствуй, Акрамжана! Скажи, пожалуйста, правда, что ты видел Гопуржана?

– Я же тебе рассказал в День Победы! Помнишь? И не отказываюсь от своих слов! И сейчас тебе скажу то же самое. А верить или не верить – это твое дело.

– Помню-помню! Конечно помню. У него была мечта... Что он сказал перед тем, как идти в наступление?

– «За мной мой дом!» – крикнул он и бросился в атаку!

– А обо мне он сказал что-нибудь?..

– До сих пор в моих ушах звучат его слова! «Нурания – свеча моего дома! И эта свеча не погаснет!» – сказал он, вынув из кармана подаренный тобой платочек, и прижал его к своим губам.

– А почему ты. Акрамжан, тогда не крикнул людям: «Не смейте губить Чарбаг!», и не пошел, куда следует, не постоял за наше село?! – обиженно сказала Нур Ана.

– Да, я смалодушничал тогда, признаюсь. Но признайся и ты: ведь люди-то не пострадали! Все мы целы и живы! Нельзя было тогда противостоять приказу, спущенному сверху! Мы бы все пострадали! Я понимал это, не восстал против: не хотел подставлять людей.

– Все равно я тебя обвиняю!

– Почему?

– Потому что ты не открыл людям глаза на это безобразие!

– Ты извини меня, Нур Ана, но ни на кого нельзя обижаться, никого нельзя обвинять! Среди людей есть и хорошие, и злые...

– А ты не вернешься в родной Чарбаг?

– Нет, извини! Не могу. В Малыбае я женился, у меня теперь семья, дети... Там я построил дом, который мне стоил немало... Женился и сын.

– Значит, говоришь, не вернешься... Понятно! – сказала в сердцах Нур Ана и пошла обратно домой...

* * *

Оралхан приехал в Чарбаг на легковушке. За рулем сидел сам. Приехал, может быть, потому, что хотел увидеть родную землю, а, может, соскучился по сыну и решил проведать мать. Приехал. Привез старой Нур Ане индийского чаю, одного живого барана и мешок муки. Мать и сын обнялись, Нур Ана поцеловала Оралхану лоб, потеребила его шевелюру...

Пока она готовила чай, Оралхан осмотрел двор, зашел во все комнаты дома, в котором прошло его детство. Даже побывал на крыше, куда часто поднимался с мамой. Позвал Азиза. Увидел много нового во дворе, в том числе, разумеется, и вырытый новый колодец. Потом сели за стол, поели и попили чаю.

– Азиз Вас не обременяет? – спросил Оралхан.

Нур Ана рассмеялась.

– Что ты?! Он – мой большой помощник! Куда я, туда и он. Во всем помогает мне. Он – умница и очень послушный мальчик. Так что о нем не беспокойся. И обо мне – тоже. Ну, а как вы там поживаете?

– Все у нас хорошо. Я работаю. На работе все благополучно. И успехи есть.

– Какие люди живут в совхозе, где ты хозяйствуешь?

– У меня? Казахи, русские, немцы, украинцы, корейцы...

– Они – местные?

– Нет, не все. Многие приехали из других мест и даже – из других стран.

– Почему людям не живется у себя на родной земле?! Все путешествуют, кочуют... Точно так же, как у нас: одни – В Малыбае, другие – Байсейит выбрали. Почему люди позволяют другим, чужим людям решать, где им жить?..

– Знаешь, мама, многие приехали к нам по своему желанию. Чтобы осваивать казахстанские целинные земли. И – остались, обзавелись семьями. Освоились на новых землях. Большинство из них – молодые люди.

– Откуда – молодые?.. Что им не живется в родных местах, со своими родными... Чего они ищут? Разве есть земля лучше, чем родная земля?

Молодые люди приехали из разных стран и разных городов. Из Украины и Узбекистана, Белоруссии и Азербайджана из Москвы и Ленинграда из Алматы. И вот, что я еще скажу: где бы люди ни жили, главное – чтобы жили они благополучно, счастливо... Вот и я приехал за вами, мама! И за Азизой.

– За мной?! Я ни шагу из Чарбага не ступлю! Ты лучше скажи, что приехал за Азизом!..

Оралхан, грустно улыбнулся и добавил: «Сауле трудно одной... Но это – не главное. Главное, что в этом году Азиз должен идти в школу».

Мать стала возражать: «Ты думаешь, что я не смогу ему возможность учиться здесь?.. Буду работать животноводом в Байсейите, там и будет учиться Азиз».

– Тебе будет трудно, мама! Лишние заботы!.. А работы тебе хватает и без того!

Оралхан замолчал, глядя себе под ноги: не мог он поднять голову и посмотреть на мать.

– В Байсейите есть хорошая школа! Там и будет учиться Азиз. Когда ты учился в Чилике, я же могла ходить к тебе хоть каждый день!.. Мне не будет трудно каждый день провожать Азиза в школу.

– Это так, но... – недоговорил Оралхан. Азиз слышал этот разговор. Он подбежал к Нур Ане, обнял ее за шею и возбужденно сказал:

Никуда я от тебя не уеду бабушка! Ты, папа, зря стараешься увезти меня отсюда. Мне нравится жить здесь.

– Спасибо тебе внучек дорогой! Спасибо, что пожалел меня... Однако... отец прав. Надо его слушаться. Да и маме нелегко... Ей тоже надо помочь.

– Мама! сказал Оралхан. А Вы на меня не обижаетесь?

– Нет, сынок... Просто жалко расставаться с внуком. Привыкла я к Азизу, как когда-то к тебе... Ладно, пусть едет...

И у Нур Аны на глаза навернулись слезы.

– А сноха-то моя работает? – спросила она.

– Да, она – учительница.

– Это хорошо... Ты тоже будь внимателен на работе. Как там у тебя? Все ли в порядке?..

– У меня на работе все хорошо! – ответил Оралхан, обрадованный изменившимся настроением мамы. Он улыбнулся, и, чтобы как-то скрыть свою радость, отвернулся от Нур Аны.

– Делай добро людям, которые работают у тебя, под твоим началом. Будь к ним заботлив. Чтобы слова твои и дела не расходились...

– Я понял, мама!

В тот день Оралхан не уехал, остался ночевать. На следующий день он сам зарезал барана, разделал мясо на кусочки, засолил его впрок, а чтобы оно от жары не испортилось, повесил его сушиться.

Мать собралась было мясо варить, но Оралхан остановил ее: «Мясо, мама, мне надоело. Лучше приготовь мне манты».

– Хорошо, приготовлю! – охотно согласилась Бабушка, разожгла очаг и взялась за тесто.

Очень скоро Нур Ана позвала сына:

– Оралхан! Иди помоги лепить манты!

– С удовольствием! Если не забыл... Давно не ел манты...

Поев приготовленные общими усилиями манты, сын и внук стали собираться в путь. Любовь к Оралхану и любовь к Азизу огнем жгли сердце Нур Аны. Мать Чарбага отдала в руки внука костюм, который заранее купила с запасом на вырост, и повесила на шею Азизу изготовленный ею самой амулет. Оралхан увидел, а бабушка, заметив это, сказала: «Пусть висит... Никому он не мешает».

– Никто не тронет! – ответил на это Оралхан.

– Ну, теперь – в путь! Однако сперва зайдем на кладбище, навести могилку... человека... Он всю жизнь пас скот и не видел ничего хорошего ни от скотины, ни от детей... И вот... скончался... Проведаем его. Вот... Здесь лежит ваш дед... Кодек.

Присев на корточки, они какое-то время посидели у могилы Кодека, помолчали... Тут же и попрощались. Оралхан, обняв плачущую мать, поцеловал ее в щеку, сел за руль машины.

– До свидания, дети мои! До свидания! Дай Бог вам благополучно доехать!

– До свидания, бабушка! Я скоро приеду к тебе! Так и знай!

– Ой, мама! Я же привез тебе дыню! – воскликнул Оралхан. – Совершенно забыл отдать! Чуть было не увез обратно... Вот, возьми...

И машина тронулась в путь.

бабушка долго смотрела вслед удаляющейся машине, пока она была еще видна. Затем она поднялась на крышу и стояла там, пока легковушка не исчезла из виду совсем.

Спустившись с крыши, Нур Ана вошла в опустевший дом, долго сидела в потемках, не зажигала света. Вспомнив про дыню, отрезала ломтик и стала есть.

Дыня была очень вкусная, напоминала ей дыни Исмаилахуна, который всю жизнь выращивал дыни. Мать Чарбага стала вспоминать времена,

связанные с этим добрым человеком. У него раньше, чем на других бахчах, поспевали дыни.

Исмаилахун всегда приглашал Нур Ану на свою бахчу. И урожай он убирал вместе с ней. Они каждый раз собирали целую арбу дынь и вместе приносили сухую траву, скошенную Исмаилахуном и высушенную им заранее.

– Ешь, доченька, ешь, – говаривал он ей, нарезая дыню ломтиками. – Ну, как? Вкусно? – спрашивал Исмаилахун, удовлетворенно улыбаясь.

Очень вкусно! Язык проглотишь! – отвечала Нур Ана. Щедрый человек Исмаилахун любил угощать и других, особенно – детей, совершенно ему не знакомых. – Дети есть дети, кем бы они тебе ни приходились, – любил повторять он.

Все эти эпизоды былого прошли в этот вечер перед мысленным взором так быстро состарившейся и сегодня бесконечно одинокой Матери Земли.

* * *

Нур Ана зажгла на окне керосиновую лампу, прежде, чем лечь отдохнуть, поспать. Она долго лежала с открытыми глазами, вспоминая о безвозвратно ушедшем далеком прошлом...

Вспомнила старушка и о том, как в молодости однажды ходила на кладбище. Тогда кругом во всю цвели сады...

...Сходила домой, переделалась по-рабочему, взяла кетмень, лопату, вилы и направилась в самое святое место в селе – на кладбище.

Пришла и очень огорчилась. «Как будто в Чарбаге нет людей! Кладбище совсем заброшено, заросло травой... И я не смогла прийти, проведать вас, мои теперь уже покойные односельчане... Извините меня: я искала воду, чистила совсем высохший источник, открывала пути для выхода ключевой воды. Этим и была занята... Но о вас я не забыла! Вот, добилась своего: колодец во дворе выкопала, ключ почистила и теперь холодная, прозрачная вода течет на радость всем!.. Теперь очередь – ухаживать за вами. Отныне будет и у вас чисто, и здесь будет порядок».

...Мать Чарбага несколько дней подряд приходила на кладбище, чистила и приводила в порядок могилы. Затем она выкопала ямы для посадки деревьев... Много ям. Теперь ей нужно было искать саженцы. Она стала считать, сколько их надо?.. Получилось – около сотни. «Где мне взять столько?.. Кто даст?..»

«Какие люди живут в селе, можно судить по содержанию кладбищ: каковы люди – таковы и кладбища... Но теперь-то она – одна на все село!» – подумала Нур Ана, возвращаясь мысленно из прошлого в день сегодняшней...

– Какие деревья лучше посадить? Тальник? Карагач? Нет, пожалуй, не карагач! Лучше – фруктовые деревья! – решила Нур Ана. – Фруктовые деревья для зрения выглядят красивее...

* * *

Мать земли плохо знала людей, проживающих в садах Ангана. Из дома она захватила с собой немного конфет и сахара, одну новую рубаху три метра ситца и отправилась в путь. Когда Нур Ана уже дошла до Ойжайлау, только тут поняла, что забыла надеть калоши. А без калош она о камни поранила ноги, аж до крови... Но Нур Ана не придала этому значения. «Ничего, – сказала она себе, – вымою раз-другой ключевой водой, раны и заживут. А что поранила ноги, это еще ничего! Лишь бы саженцы найти!»

С такими мыслями она не заметила, как дошла до Ангана. Встретили ее старик со старухой.

«Заходи, сестрѐнка, заходи!» – сказал приветливо старик, а увидев окровавленные ноги гостыи, воскликнул: «Боже мой! Что это такое, дорогая! Что это с тобой случилось?!» Тут и старуха стала жалеть женщину: «Кто же в такой холод босиком ходит?! Так ведь и заболеть недолго!»

«Здесь, кажется, я найду саженцы! Если попрошу, то они дадут непременно! – подумала Нур Ана, глядя на приветливость стариков» И она выложила гостинцы на столик.

– С большой надеждой пришла я к вам. Живу в родном селе одна, былую красу его восстановить хочу.

– Одна живете?! Во всем селе? Одна? Или я ослышался?!

– Нет, не ослышались. Совершенно одна. Наш Чарбаг объединили с другими селами. Вырубили все сады, разрушили дома. Хочу хоть деревья посадить, и фруктовые – тоже. Мне необходима помощь. Для меня это очень важно.

– Вам нужны саженцы? Ну, что ж... Деревья – это жизнь человека! Фруктовых саженцев у нас нет, а саженцами других деревьев поможем. Я был в Чарбаге... Жалко... Хорошее было село. Очень жаль! Но кому нужны эти деревья?!

– Мне нужны. На улицах Чарбага – ни одного деревца!.. И вокруг кладбище буду сажать.

– В Чарбаге земля каменистая. На такой почве хорошо растут именно фруктовые деревья. Плоды на них бывают очень сладкими.

– А почему не уезжаете из Чарбага? Зачем, кому нужны эти муки?..

– Не могу оставить село. Жалко.

– Не могу, говорите... Хороший Вы человек! Мы поможем Вам. Сажайте фруктовые! Что толку от других деревьев?.. Разве только – тень...

– Да, Вы правы.

Старик почему-то огляделся по сторонам... «Что с ним?» – подумала Нур Ана. И не зря она так подумала.

– Если узнает начальство, убьет оно нас! – сказал старый садовод. – Фруктовые саженцы у нас есть, но наш председатель вчера утром опять их пересчитал. Мы боимся начальства! – добавил он. Старик явно отказывался от только что почти данного Нур Ане обещания. – Куда ты саженцы посадишь? – спросил он опять.

– На улице и вокруг кладбища.

– Вокруг кладбища, говоришь? А я-то думал...

– Правду говорю!

Все на минуту замолкли...

– Ты на нас не обижайся. Погоди, я еще раз посмотрю...

– Ладно, не беспокойтесь! – сказала Нур Ана, собираясь уходить.

– Не обижайтесь на нас, – добавил старик.

Ему было неудобно за вынужденный отказ. Он остановил Нур Ану новым вопросом:

– Может, все бросишь и переедешь к нам?

– Нет. Дома работы много. Нет у меня времени на пустые разговоры.

Пойду, поищу еще где-нибудь...

Нур Ана, так и не найдя ничего, вернулась домой усталая и прямо так, не раздеваясь, упала в постель.

После ухода Нур Аны старик со старухой поспорили:

– Обидел ты, старый, гостью!

– Не беспокойся, Старуха! Еще не поздно поправить ошибку.

– Что ты задумал, старый? Такую женщину обижать нельзя!

– Я слышал, куда она хочет посадить деревья: на кладбище, точнее – вокруг кладбища! Святое дело! Верно?..

– Ну, да... Конечно! Ведь у могил ушедших...

– Надо отнести ей саженцы. Заодно посмотрим Чарбаг...

* * *

Нур Ана сидела, опустив ноги в таз с горячей водой: парила, чтобы не заболеть... После такой прогулки. «Надо найти саженцы! – думала она. Нельзя вот так сидеть, беспечно».

Закончив процедуру, она вытерла согревшиеся ноги, надела сапоги. Затем достала из сундука костюм мужа, Гопуржана, потом завернула в платок несколько чашек муки, немного белой кукурузы, все это положила в мешок и, взвалив этот мешок на спину, отправилась в Кайнук...

...А вот и оно, это село... Нур Ана остановилась у дома, окна которого были заклеены бумагой. Остановилась потому, что из этого дома слышался плач. Нур Ана вошла в дом, где почувствовала неприятный запах. На теплом земляном полу, под которым проходил дымоход, в ряд лежали, словно безжизненные, пятеро детей с выбритыми наголо головами. Увидев их, Нур Ана от неожиданности вздрогнула, испугалась. «Дети, видимо, голодны», – подумала она, подошла, погладила по головке мальчика, лежавшего с краю, спросила:

– Почему вы лежите?..

– Мама сказала, чтобы мы лежали... А то, сказала, можем упасть...

– За хлебом ушла мама, – добавила младшая.

– И не всегда приходит с хлебом, – услышала она...

– А ты кто? Не наша ли родственница?

– Да-да, я ваша родня!

– А ты принесла что-нибудь поесть?..

– Ну конечно принесла!

– Ура-а! Принесла! Принесла! – обрадовались дети.

– Я принесла вам немного муки и кукурузы.

Дети кинулись к мешку, начали есть кукурузу сырой... Нур Ана отобрала у них початки кукурузы, объяснив, что сырую есть нельзя, так как заболит живот. Затем нашла казан, который был еще теплым, вылила из него остатки воды и, подбросив в очаг дрова, стала жарить кукурузу. И уже жаренной кукурузой покормила детей. К этому времени вернулась их заплаканная мать.

– Во все дома подряд зашла: нигде ничего!

– Мама, а мы наелись кукурузой! – сообщила младшая из детей. - Нам еще муки принесли! Смотрите, вот мешок!..

– Добрый человек! Дай Бог тебе долгой жизни! Не зря говорят: «Если больному умирать рано, лекарь приходит сам». Дай тебе Бог много здоровья! Когда-нибудь и эти дни забудутся, сестра, правда?..

– Нет, эти дни не забудутся никогда! Твои дети вырастут..., и не должны забывать об этих днях! А пока ты обязана отвечать за их жизнь. Приходи, когда будет нужно, ко мне. Для тебя, для твоих детей ничего не пожалею!

– Спасибо на добром слове... А что ты делаешь в нашем селе?

– Ищу саженцы...

– Зачем они тебе?

– Нужны!

– А молодые саженцы вишни пойдут?..

– Ну конечно пойдут!

– Пошли, покажу тебе. Муж посадил. Для детей. Вот они. Хорошо принялись! Через год-другой уже будут плоды. Можно будет есть.

Хозяйка принесла лопату, начала копать...

– Бери, сестра! Все бери!..

– Нет, постой. Только что принявшиеся саженцы трогать не стоит...

– Где же тогда будешь искать?! Сама-то ты откуда?..

– Из Чарбага. Я была против объединения Чарбага с другими селами. Слышала наверное:..

– А-а-а... Да, слышала. Ты одна осталась в Чарбаге? Не обижайся на меня, сестра...

– Я-то ладно, не обижусь. А если обидятся дети или муж? Что тогда скажешь?..

– Тебе важно приобрести саженцы, а нам... не обязательно, – сказала хозяйка дома, оставила несколько штук себе, остальные отдала Нур Ане. Вместе с детьми она проводила Нур Анну в путь...

Мать Чарбага посадила вишни около кладбища. Потом сходила в село Корам, принесла оттуда несколько саженцев яблони, которые посадила рядом с вишнями. Удовлетворенная и уставшая, Нур Ана вернулась в свой дом, где ее никто не ждал...

* * *

Случилось неожиданное. Нур Ана по своей привычке поднялась на крышу дома и стал всматриваться вдаль. Она увидела двух человек, идущих за ослом, нагруженным какой-то поклажей. Нур Ана спустилась с крыши, зажгла в очаге огонь и пошла встречать гостей. Мать Земли узнала их сразу. Это были старик Садвакас и старуха Унчамхан. Увидев навьюченные на осла саженцы, Нур Ана очень удивилась...

– Обидели мы тебя и привезли то, что тебе нужно.

– Нет-нет, я на вас не обиделась! Заходите в дом! – пригласила она гостей.

– Подождите, сперва дело закончим. Веди нас туда, где будем деревья сажать.

– Ну, хорошо, идемте. – И Нур Ана повела стариков к кладбищу. Там старик прочел аят из Корана и начал сажать привезенные деревца. «Дай силы моим рукам, о Аллах!» – сказал он, начиная работу.

В тот день гости остались ночевать у Нур Аны. На следующий день сажали деревья вдоль улицы...

– И кладбище, и улица твоя – в идеальном порядке! Спасибо тебе, Нур Ана! Мы очень довольны тобой! И свои обязанности мы тоже вспомнили. Доброе, нужное дело совершили...

Уже собираясь уходить, старик увидел во дворе Нур Аны телегу. Попинал ногами колеса...

– «Оттого, что никто на ней не ездит, телега рассохлась и заржавела» – сказал он задумчиво.

– Муж мой, Гопуржан перед тем, как уйти на фронт, смазал колеса... С тех пор никто и не дотрагивался...

– В каждом доме должна быть телега. С ней легче жить.

– Я Вам дарю эту телегу! У вас есть кого запрячь в нее.

– Если ты думаешь, что я возьму ее за то, что привез тебе саженцы, то ты ошибаешься!..

– Не говорите так! Я даю Вас телегу от чистого сердца! Берите!

Старуха обиженно стала отчитывать своего старика:

– Как Вам не стыдно! Неужели примете такую дорогую вещь? За саженцы! – добавила она в сердцах.

– Молчи, старая, – сказал старик спокойно и тихо. – Я беру телегу. Спасибо, Нур Ана. – И стал впрягать в телегу своего осла.

– Стыдно мне! – не унималась старуха. Но дело было сделано. Старики сели в телегу, хотя старуха продолжала ворчать...

– Если что нужно, приходи! Мы всегда готовы помочь! – сказала она на прощание.

– И вы приезжайте ко мне, – ответила Нур Ана.

– Теперь часто сможем приезжать. Телега-то у нас теперь есть! Чу! Чу! – погнал старик осла, и тот как бы нехотя тронулся с мест...

* * *

Развалившиеся стены домов Чарбага действовали на Нур Ану угнетающе... Что сделать, чтобы поднять их опять? – думала она.

Расстроенная, она вошла в дом, попила чаю. Затем взяла веревку из конского волоса, пошла на хлебное поле Байсейита, с которого недавно убрали хлеб, набрала соломы и, взвалив на плечи связку, вернулась домой. Затем выкопала яму, принесла воды и стала месить глину, добавляя в нее солому. Наделав какое-то количество кирпичей, она оставила их сохнуть на солнце. «Если люди вернуться обратно в Чарбаг, им будет легче восстанавливать свои дома», – думала Нур Ана. – Останется только покрыть стены саманной плоской крышей, да вставить окна и двери... Кирпичи для стен будут готовы». Этой работой Нур Ана занималась каждый день.

После такой тяжелой работы Мать солнца очень уставала, но не обращая на это внимание, продолжала работу. Иногда, если заболела, она опускалась у источника-ключа на колени, черпала горстями воду, пила ее и ей становилось легче. Она вновь чувствовала себя сильной, здоровой. А еще – умывалась этой холодной, ключевой водой! Тогда чувствовала себя еще здоровее.

Нур Ана много раз могла ходить к источнику, который сама вычистила, оживила. Наберет воды в свои тыквинки-горлинки, принесет и не чувствует усталости! Наоборот, чувствует себя бодрой, сильной. Так поила она посаженные ею деревья и даже поливала улицы села... При этом она могла еще при этом и петь...

Однажды, тихо напевая какую-то песню, Нур Ана вдруг вспомнила слова своего отца, который как-то сказал: «У нас в селе певцов и певиц было много».

– А кто именно, отец? – спросила она.

– Кто, спрашиваешь? Ну, например, твоя мама, дочка...

– А много песен знала мама? Хорошо она пела?

– Да, доченька, хорошо она пела... И много песен знала.

– А расскажи, отец, какие песни пела мама?

– Если рождался ребенок, пела колыбельные песни. А вообще-то ее песни, в основном, были грустные. Она лились как бы из глубины ее души...

– Еще, отец, расскажи еще!

– Еще, если умирал человек, она пела траурные песни. Муллы Чарбага даже били твою маму за то, что она пела песни у мечети. После этого она болела, лежала, не вставая, несколько дней. Тогда я ругался с муллами, говорил им: «Вы можете даже убить ее, но не остановите ее песни! Вот, скажите, в Чарбаге чего больше? Кладбищ больше в Чарбаге! Люди, и богатые, и бедные знают, что если кто поющего обидит, того могут убить те, кто песни любит. Песни спасают людей от смерти!»

Твою маму народ называл «Матерью людей», «Матерью земли», «Матерью села Чарбаг». Люди были счастливы. Слушая ее песни. А герои военного времени, отправляясь на битву с песнями мамы твоей, становились навеки храбрыми богатырями, проявляя в боях с врагами Отечества чудеса героизма.

– А если бы не было мамы, кто бы им всем и нам пел ее песни? – спросила тогда Нур Ана. И отец, не задумываясь, ответил: «Тогда бы песни ее пел сам Чарбаг! Пели бы его камни! Его деревья! Его реки! Его прозрачные ключи... Потому что песни твоей мамы были именно об этих камнях! Об этих деревьях! О прозрачных водах и отзывчивых людях Чарбага!...»...

И вспомнив слова отца, Нур Ана вдруг подумала о себе: «Вот, ты живешь здесь одна... Вокруг – никого! Но есть твой Чарбаг! И ты не даешь погибнуть ему!.. А есть ли у тебя песни о нем?! О твоём родном и любимом Чарбаге!..»

– Есть, отец! – отвечала она.

– Ну, так пой! Да так, чтобы весь мир услышал песни твои!...

И Нур Ана пела! Ее песни слышали те, кто жил рядом, и те, кто оказался вдали! Кто жил в Чилике и Малыбае, Байсейите и Кайнуке, Кураме и за морями! Да-да, даже там, в чужих и далеких краях, куда судьба равнодушно забросила бывших ее земляков...

Нур Ана стала песней людей.

* * *

Она так долго жила одна, что ей вдруг захотелось увидиться с бывшими односельчанами, чарбагцами. И отправилась Нур Ана однажды в Малыбай.

Это оказалось большое село. Людей там было тоже немало, улицы – не без развалюх, но хороших домов много. А вот фруктовых деревьев было мало, если не сказать – не было совсем.

Малыбайцы никого из людей, прибывших из Чарбага, на серьезные должности не назначали, считая их чужаками. Почти все чарбагцы стали простыми работягами, дехканами с кетменем на плече. Одни переселенцы построили себе дома, другие жили в развалюхах. Но многие дома были даже электрифицированы. В этом отношении село производило хорошее впечатление. Нур Ана это порадовало.

Она побывала почти у всех чарбагцев, а остановилась у родителей мужа, где по случаю ее приезда собрались некоторые соседи из Чарбага. По их разговору Нур Ана поняла, что все они очень соскучились по родному селу. Лишь один человек, которого звали Архон-«хвастун», позволил себе сказать несколько нелестных слов о Чарбаге и это Нур Ане очень не понравилось...

– Мы привыкли к новому месту, – сказал он. – Живем как в Чарбаге. Но – не в каменном Чарбаге! Забыл я о нем! Что можно посадить на камнях?!

Нур Ана одернула хвастуна:

– Нет, не то Вы говорите, Архон! В целом мире Чарбаг – один! Другого для нас нет и не может быть!

– А по мне – где живешь, там и твой дом! Не зря сказано: «Где твой казан, там и твоя жизнь».

– Вы не имеете права говорить от имени всех!

– А почему я не имею права говорить от имени других?!

– Потому, что Вы – желтый лист с дерева! Бедный лист, который сорвал осенний ветер и бросил на землю... Вы – порванная струна, которая больше звучать не сможет вместе с песней о людях Чарбага. Вы – разбитый кирпич, который не пригоден для новых строений в восстанавливаемом селе с гордым именем Чарбаг. Вот кто вы!

– Забудь о своем Чарбаге! Он не будет снова поднят! Да и кому он нужен?! Или ты хочешь создать новую историю Чарбага? Не получится! Забудь!, Здесь в Малыбае я имею дойную корову, барана... Мясо! А будь я в Чарбаге, всего этого не было бы у меня никогда!

– Эй ты, хвастун! Помолчи немного! Чего расхвастался!

– Не обижайся на его болтовню, сноха моя, – сказал ей ее свекор. – Ты поправляешь камни могил наших предков, поднимаешь стены разбитых домов, сажаешь деревья... Все это – дело твоей чести! Ты оказалась умнее нас. Пока ты есть – будет жить Чарбаг. Пока есть такие люди, как ты, будет звучать и наши песни. А ты, Архон, считаешь, что нет истории у Чарбага? Ошибаешься! Она есть! Ее называют у нас историей любви. Расскажу-ка я тебе об этой истории, дорогой...

Был я тогда председателем сельского совета, – начал свои воспоминания Касым, садовод по призванию. – Мы, комсомольцы, вели среди людей соответствующую пропаганду. Среди нас были двое влюбленных – Гульфам и Икрам. Гульфам была дочерью богача Амутахуна.

Богач согласился с желанием дочери – выйти замуж за Икрама, но сказал ей: «Ладно, выходи... Только сначала пригласи его к нам, я хочу познакомиться с ним». Когда Икрам пришел по приглашению любимой, Амутахун убил его. Причем, отрезал ему уши, нос, язык... Потом Амутахун убил и свою дочь... Я сам участвовал в аресте убийцы! Схватили его, связали ему руки, ноги и отвезли в милицию, в Чилик...

Организуя похороны, мы посоветовались и решили: могилы погибших влюбленных должны быть рядом. Так и похоронили... А Нур Ана посадила над могилами цветы и до сих пор заботиться о них. Нельзя забывать и не замечать того, что Нур Ана делала и делает!.. Конечно, она сейчас одна. Но без этого одинокого деревца и саду не быть!..

– ...А почему нет с нами Кевира? – спросила вдруг Нур Ана.

– Он серьезно болен, – ответили ей.

На следующий день пришла весть, что Кевир-красавец прошлой ночью умер. Все пошли проводить его в последний путь.

Нур Ана под одеялом кровати, где еще совсем недавно лежал и умер Кевир, обнаружила мешочек, в котором была горсть земли. Нур Ана знала, что это была земля Чарбага. Взяв мешочек, она побежала за траурной процессией на кладбище. Там она передала мешочек с землей своему свекру. Тот положил этот мешочек в могилу, рядом с телом Кевира.

* * *

Придя домой, Лучезарная мать полила саженцы, посаженные ею вчера. Для нее еще много дел было в Чарбаге...

Ни от Ивана, ни от Оралхана не было никаких вестей... Как там живет внук Азиз?..

Наверное, скучает по бабушке? – подумала Нур Ана, сидя за столиком, поставив на два подоконника две зажженные керосиновые лампы. – И писем нет от них!.. А если и напишут, кто мне их доставит сюда, где я живу одна-одинешенька... Видимо все считают, что Чарбаг больше не существует...

Нур Ана решила сама написать письмо и начала так: «Сыну Оралхану, внуку Азизу, снохе Сауле...»

На следующий день, рано утром она понесла свое письмо на почту в Байсейит. Придя туда, Нур Ана спросила у девушки-почтальона:

– А где скажите, письма, которые мне написали мои дети? Почему мне их не доставляют?

– Извините, уважаемая Нур Ана, – улыбаясь, ответила, как бы извиняясь, девушка, – но на Ваше имя писем нет. Если бы были, я бы сама принесла их Вам!

Девушка из почтового отделения прониклась жалостью к Нур Ане.

– Не может быть, доченька! Они не могли не написать мне! Письма явно где-то затерялись! Посмотри, пожалуйста, еще раз! А пока я, вот, принесла свое письмо к детям, – сказала Мать земли.

– Дайте мне его – ответила с готовностью работница почты, – прочла адрес. – Все кажется, правильно... – Ваши дети получают его примерно через неделю. Из Чилика письма доставляют в Алма-Ату, а оттуда уже поездом – по адресу. Вот и пройдет неделя.

– Так долго?! – проговорила Нур Ана расстроено...

Вернувшись в Чарбаг, она почувствовала себя еще более одинокой.

На следующий день Нур Ана стала белить дом внутри и снаружи. Работая во дворе, она услышала пение соловья и очень обрадовалась. Ей вдруг показалось, что соловей поет, сидя на ветке именно ею посаженной вишни!

– Пой, пой соловушка! Тебя никто не тронет! Я слушаю тебя! Пой! – мысленно просила она, продолжая побелку стены дома.

Завершив работу, Нур Ана по обычаю поднялась на крышу дома, посмотрела в сторону дороги. Там было пусто... И опять мысленно обратилась она к односельчанам: «Эй, чарбагцы, я побелила стены ваших домов! Приезжайте! Возвращайтесь! Я посадила у домов деревья! Отдохните в их тени! Приходите, не стесняйтесь!..»

Оттого ли, что стара стала, она, слезая с крыши дома, упала и долго не могла встать. Затем все же встала, кое-как вошла в дом, добралась до кровати, легла в постель...

– Должно быть, пришла моя пора..., – грустно подумала она. – Неужели одна, вот так умру и никто не будет знать... Не похоронит вовремя, как положено?..

Вспомнила Нур Ана свою мать, которая говорила ей: «Никогда люди, даже после землетрясения не оставляли Чарбаг: уходили и возвращались! Восстанавливали разрушенные дома и продолжали жить... Вот и ты не оставила родное село. Одна о нем думаешь, одна стараешься его сохранить, доченька...»

Нур Ана попробовала встать. Не смогла. Уснула. Спала долго. Проснулась, почувствовав, что кто-то гладит ее по голове. Увидела рядом с собой Ивана: он стоял на коленях у изголовья Нур Аны.

Иван вскипятил чаю, напоил ее. Мать попыталась встать, не смогла: чувствовала во всем теле слабость. Глаза ее сами закрывались и она снова уснула. «Пусть поспит, – подумал Иван. – Сон – лучшее лекарство». Он видел, что губы Нур Аны были белыми от сухости. Вышел во двор, достал из колодца Гопуржана ведро холодной воды, занес в дом. Чашкой из ведра зачерпнул этой прозрачной, живительной влаги, попробовал дать ей попить. Нур Ана сделала глотательное движение, открыла глаза и будто только сейчас узнала Ивана:

– Иван, это ты? – прошептала еле слышно она. – Как хорошо, что ты пришел!.. Спасибо...

– Я привез Вам письмо!..

Нур Ана еле заметно улыбнулась...

– Прочти мне его..., пожалуйста, – попросила она.

– Не могу прочесть... Извините... Не пойму... его язык...

– Тогда поднеси письмо ближе к моим глазам: я попробую сама прочесть...

Нур Ана направила мутные глаза на исписанный ровным, крупным почерком листок из ученической тетради...

– «Дорогая мама! – начиналось письмо Оралхана. Село, где Вы живете, заживет теперь заново! Меня туда направляют на работу...»

Дальше читать Нур Ана не смогла. От радости ее сердце стало биться учащенно, так, будто хотело выпрыгнуть из груди. Она долго не могла говорить...

– Вот и настал день, который я так долго ждала, – наконец сказала она облегченной

– Вы – о чем, мать? Объясните!

– Наш Чарбаг снова заживет! Мой сын, Оралхан, направлен сюда, на работу...

– Да?! О, как это здорово! Ваша мечта осуществилась! Теперь Вы заживете счастливо и будете жить долго! – воскликнул Иван, радостно глядя ее руки.

После этих слов, возбужденные новостью, они, каждый по-своему долго молчали...

– А скажите мне, Иван, почему же не едет так долго домой Гопуржан?.. Ведь если бы он был жив, приехал бы уж давно?!

– Он жив, Нур Ана! Верьте! Я тоже жду своего друга, жду так же, как и вы!..

– Не знаю-ю... Ты что-то от меня скрываешь, Иван! – вновь тяжело задышала, и схватившись правой рукой за сердце, закрывая глаза, произнесла она тяжело.

– Давайте, я отвезу Вас в Байсейит! Пусть Вас посмотрят и полечат доктора!

– Нет-нет! Никуда я не поеду!.. И ты не уходи! Не оставляй меня одну...

Иван, разумеется, никуда не ушел, продолжая ухаживать за заболевшей всерьез Нур Анной.

* * *

Через три дня в Чарбаг въехала машина. Из нее вышел Оралхан, Сауле и Азиз.

Оралхан и Сауле поцеловали холодные щеки и лоб матери, лежавшей с закрытыми глазами на кровати.

– Что с тобой, мама?! – спросил с беспокойством Оралхан. – Мать очнулась, взглянула на сына глазами, полными слез и, ничего не ответив, закрыла глаза опять.

– Бабушка, что с тобой?! – испуганно вскрикнул присутствующий здесь ее внук, Азиз.

Нур Ана на мгновение глаза открыла и они сразу же сомкнулись: одинокая святая мать перестала дышать...

На застывших у ее изголовья мужчин безутешно смотрела плачущая Сауле...

Вильям Садыков

Мать земли села Чарбаг –
– Нур Ана...
Ты запомни это имя,
страна!
Песню памяти поет
нынче хор:
Он о будущем ведет
разговор!
И о том, как просыпалось
село...
Счастье было! И оно
не прошло!
И создатели села
не ушли:
Все остались! Стали солью
Земли...
Их следы видны везде –

там и тут!
И – на кладбище, где вишни
цветут!
Там хозяйничает нынче
весна!
Там осталась навсегда
Нур Ана!,
Сохранившая село
и очаг!
Не предавшая ни дом
ни Чарбаг!
Дочь Земли... Святая Мать
Нур Ана...
Дочь твоя!, моя родная
страна.

Перевод с уйгурского Вильяма Садыкова

Повесть Ахметжана Ашири «Нур Ана» опубликована в журнале «Ақ Жайық»
#4/2015